

ИВЛИН ВО

КОГДА ШАГАЛОСЬ НАМ ЛЕГКО

ЖИЗНЬ В ПЯТИ ПУТЕШЕСТВИЯХ

Биографии,
автобиографии,
мемуары

Биографии, автобиографии, мемуары

Ивлин Во

Когда шагалось нам легко

«Азбука-Аттикус»

1946

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Во И.

Когда шагалось нам легко / И. Во — «Азбука-Аттикус»,
1946 — (Биографии, автобиографии, мемуары)

ISBN 978-5-389-21193-3

Впервые на русском – собрание путевой прозы прославленного классика британской литературы Ивлиина Во, составленное им самим после Второй мировой войны на основе предвоенных рассказов о своих многочисленных странствиях по миру – миру, который за какие-то десять лет изменился неузнаваемо. «Сам я никогда не метил в великие путешественники, – пишет Ивлин Во. – Меня устраивала роль типичного представителя молодежи своего времени; поездки воспринимались нами как нечто само собой разумеющееся. Отрадно сознавать, что наши путешествия пришлись на то время, когда шагалось нам легко». И размах этих путешествий впечатляет до сих пор: Средиземноморье и Ближний Восток; Абиссиния – где коронуется на императорский трон Хайле Селассие, будущий мессия ямайской религии растафари; Африка – через весь континент; Бразилия и Британская Гвиана; снова Абиссиния – где вот-вот начнется Итало-эфиопская война... И всюду, куда бы ни заносила его судьба, Ивлин Во неизменно демонстрирует свое фирменное чутье на все нелепое и смешное, филигранную психологическую точность, мастерское владение словом. Не зря он говорил, что иногда можно подумать, будто весь мир населен его персонажами...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21193-3

© Во И., 1946

© Азбука-Аттикус, 1946

Содержание

Предисловие	8
Часть первая	11
Часть вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ивлин Во

Когда шагалось нам легко

М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2022

ISBN 978-5-389-20471-3

Evelyn Waugh

WHEN THE GOING WAS GOOD

Copyright © 1946, Evelyn Waugh

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. С. Петрова, перевод, 2022

© З. А. Смоленская, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Колибри®

* * *

Чем заняться, когда зимний Лондон впал в тоску и оцепенение, а звуковое кино «отбросило на двадцать лет назад развитие самого жизненного искусства столетия»? Упаковать в

чемодан необходимый минимум одежды, шпенглеровский «Закат Европы» и рисовальные принадлежности – и отправиться путешествовать.

За несколько лет будущий классик английской литературы успел объехать три континента – и своим неповторимым стилем живописать «то время, когда шагалось нам легко».

* * *

Ныне мы повернулись спиной к цивилизации. Кабы знать, что так сложится... кабы знать, что неизбежное с виду, возведенное с великим терпением, пышно изукрашенное здание западной жизни когда-нибудь растает в одночасье, словно ледяная башня, оставив по себе лишь грязную лужицу; кабы знать, что человек уже тогда покидал свой пост. Но нет, мы прокладывали себе разные тернистые пути: я, например, в тропики и в Арктику, возомнив, будто перевозанность – это птица дронг, которую легко приманить щепоткой соли. Думаю, мы никогда больше не сможем высаживаться на чужом берегу с аккредитивом и паспортом (необходимость в последнем сама по себе уже была первой робкой тенью той свинцовой тучи, что окутывает нас в эти дни) и ощущать, как перед нами распаивается мир. Сам я никогда не метил в великие путешественники. Меня устраивала роль типичного представителя молодежи моего времени; поездки воспринимались нами как нечто само собой разумеющееся. Отрадно сознавать, что наши путешествия пришлось на то время, когда шагалось нам легко.

Ивлин Во

* * *

Брайану Мойну, Диане Мосли, Диане Купер, Перри и Китти Браунлоу – это мои друзья; нижеследующие страницы я писал в их домах; им же я посвятил те книги, из которых взяты приведенные здесь тексты; им всем, а также памяти ХЕЙЗЕЛ ЛЕЙВЕРИ я заново посвящаю эти уцелевшие фрагменты – с неизменной благодарностью¹

¹ Брайан Мойн – Брайан Уолтер Гиннес, 2-й барон Мойн (1905–1992) – юрист, поэт и романист, наследник пивоваренной империи «Гиннес». Леди Диана Мосли (Диана Митфорд, 1910–2003) – британская аристократка, литературный критик, первая жена Брайана Гиннеса. Чета Гиннес-Митфорд, видным представителям лондонского бомонда, И. Во посвятил свой второй роман «Мерзкая плоть» (1930). Вторым мужем Дианы стал сэр Освальд Мосли (1896–1980) – британский политик, лидер Британского союза фашистов. Свадьба, на которой в качестве почетного гостя присутствовал Адольф Гитлер, прошла в Берлине, в доме министра просвещения и пропаганды Германии Йозефа Геббельса. Леди Диана Купер (Диана Мэннерс, 1892–1986) – британская аристократка, киноактриса, мемуаристка. Перри Браунлоу – Перегрин Каст, 6-й барон Браунлоу (1899–1978) – британский пэр. Дальний родственник Дианы Купер по линии ее биологического отца, писателя Генри Каста. Близкий друг короля Эдуарда VIII, сыгравший не последнюю роль в деле отречения короля от престола ради женитьбы на разведенной американке Уоллис Симпсон и последовавшего после этого кризиса, по итогу которого был отстранен от королевской службы. Во нередко пользовался гостеприимством Браунлоу, в чьих поместьях были написаны «Во в Абиссинии», биография «Эдмунд Кэмпбелл». Китти Браунлоу – леди Кэтрин Браунлоу (1906–1952), первая жена Перри Браунлоу. Леди Хейзел Лейверы (1880–1935) – британская художница, чей портрет в течение XX в. фигурировал на ирландских банкнотах различного достоинства.

Предисловие

Нижеследующие страницы охватывают все то, что мне желательно сохранить из четырех собраний путевой прозы, написанных с 1929 по 1935 год: «Наклейки на чемодане», «Далекий народ», «Девяносто два дня», а также «Во в Абиссинии» (заглавие выбрано не мной). Книги эти, опубликованные некоторое время тому назад, переиздаваться не будут. Первые три вышли в издательстве «Господа Дакворт и компания», четвертая – в издательстве «Лонгманс, Грин и компания». Была еще пятая книга, повествующая о Мексике, – «Узаконенный грабеж»; тот опус я готов предать забвению, так как путешествиям отводится в нем совершенно незначительное место, а основное внимание уделено вопросам политики. «Если у вас за плечами богатый опыт путешествий, – писал я в предисловии к той книге, – в совокупности с двенадцатью годами сознательной жизни, проведенными в разъездах, то в свете затронутой темы это определенный минус. Чтобы в тридцать пять лет оживить в памяти восторг от первой высадки в Кале, человеку впору лететь на Луну или в какое-нибудь другое аналогичное место. Раньше такой лунной поверхностью многим виделась Мексика. Такова она и поныне: все тот же лунный край, но отнюдь не в поэтическом смысле. Это бесплодная земля, часть некой мертвой или, как ни крути, умирающей планеты. Политика, губительная везде и всюду, иссушила здешние почвы, выморозила, раздробила, стерла в прах. Если в шестнадцатом веке человеческой жизнью правил хаос, а засилье теологии душило любые таланты, то в настоящее время над нами довлеет чума политики. Эта книга – политическая». Вот пусть она и покоится в собственном прахе. А я теперь отправляюсь на поиски лунного пейзажа.

С 1928 по 1937 год у меня не было постоянного дома, как не было и движимого имущества, которое не уместилось бы запросто в одну багажную тележку. Я непрерывно путешествовал – либо по Англии, либо за рубежом. Четыре книги, перепечатанные здесь в отрывках, представляют собой описания ряда странствий, выбранные мною по одной простой причине: в тех поездках я изрядно поиздержался и возлагал все надежды на публикацию путевых дневников – тягомотных ежедневных отчетов об увиденных местах и новых знакомствах вперемешку с банальными сведениями, а подчас и весьма незрелыми комментариями. Сокращая их до нынешнего объема, я стремился оставлять в неприкосновенности сугубо личные моменты повествования – в расчете на то, что от них по-прежнему веет дыханием свежести.

Каждая книга, как обнаруживалось при повторном прочтении, несла на себе явственный отпечаток мрачности, которая сгущалась, пусть даже ненамного, от одного текста к другому по мере того, как вокруг нас год за годом все плотнее смыкались тени острога. Зато в событиях из «Наклеек на чемодане» я искал исключительно удовольствия. Просматривая под критическим углом зрения отсылки к различным источникам, я отмечал плюсы и минусы в свидетельствах других путешественников. Барочность, роскошь и чудеса; кулинарное искусство; вино, эксцентричные личности; гроты при свете дня, призраки потустороннего мира во тьме ночной – все это я сам и тысячи других искали в Средиземноморье.

Сколь же многого мы не увидели и не продегустировали в тех блистательных краях! «Европа могла подождать. Для Европы еще будет время, – думал я, – ведь не за горами те дни, когда я буду нуждаться в человеке, который бы устанавливал мой мольберт и носил за мною краски; когда я не рискну удалиться больше чем на час ходьбы от комфортабельного отеля; когда я буду нуждаться в прохладном ветерке и мягком солнечном свете; и вот тогда я обращу мои старые глаза к Италии и Германии. Теперь же, пока у меня есть силы, я отправлюсь в дикие страны, где человек покинул свой пост и джунгли подбираются обратно к своим былым твердыням»². Так рассуждает Чарльз Райдер³; так рассуждаю я сам. В те годы мистер Питер

² Цит. по: И. Во «Возвращение в Брайдсхед». Перев. И. Бернштейн.

Флеминг⁴ отправился в пустыню Гоби, мистер Грэм Грин⁵ – в либерийскую глушь, а Роберт Байрон (чья кипучая жизнь, устремленная к возможностям дня сегодняшнего и сохраненная нашей памятью, увы, безвременно и трагически оборвалась) – к персидским руинам. Нынче мы повернулись спиной к цивилизации. Кабы знать, что так сложится, лучше нам было бы провалиться в сон вместе с Палинуром⁶; кабы знать, что незыблемое с виду, возведенное с великим терпением, пышно изукрашенное здание западной жизни когда-нибудь растает в одночасье, словно ледяная башня, оставив по себе лишь грязную лужицу; кабы знать, что человек уже тогда покидал свой пост. Но нет, мы прокладывали себе разные тернистые пути: я, например, в тропики и в Арктику, возомнив, будто первозданность – это птица дронг, которую легко приманить щепоткой соли. В книге «Далекий народ» описывался несложный маршрут; в книге «Девяносто два дня» – более тяжелый. Впоследствии многим из нас довелось ходить в походы и разбивать лагерь, мучиться от голода и жажды, селиться там, где выхватывают и пускают в ход пистолеты. Тогда это казалось испытанием на прочность, приобщением к мужественности.

Потом, в 1935 году, произошло итальянское вторжение в Абиссинию, и я вернулся в эту страну, но уже не в качестве вольного путешественника. Я вернулся в качестве военного корреспондента; при всем моем легкомысленном отношении к своим обязанностям и к притязаниям коллег, я облачился в ливрею слуги новой эпохи. Эту перемену выдала следующая книга. Теперь я опустил немало страниц исторических справок и политических дебатов. Перечитывая окончательный текст в свете событий последнего времени, я не нашел почти ничего, что следовало бы убрать дополнительно. Надежды питают глупцов; не исключено, что нынешние страхи окажутся ложными. Когда речь идет о катастрофе, попытки разграничения «post hoc» и «propter hoc»⁷ неуместны.

Пора моих собственных путешествий миновала; да и лавину книг о путешествиях я в ближайшем будущем едва ли увижу. В бытность мою рецензентом, помнится, их присылали пачками – по четыре-пять штук в неделю: прелестные от корки до корки, остроумные, с увеличенными любительскими фотоснимками, сделанными «лейкой». Туристам нет места среди «перемещенных лиц». Думаю, мы никогда больше не сможем высаживаться на чужом берегу с аккредитивом и паспортом (необходимость в последнем сама по себе уже была первой робкой тенью той свинцовой тучи, что окутывает нас в эти дни) и ощущать, как перед нами распаивается мир. Сегодня это дела минувшие, как прибытие пастора Йорика в Париж⁸, где хозяин гостиницы вынужден ему напоминать, что их страны находятся в состоянии войны. А завтра эти события отодвинутся еще дальше. В отдельных местах, очевидно, сформируется взаимовыгодная «Сила через радость»⁹, своего рода система досуга *dopo-lavoro*¹⁰; и уже не меня, а других – тех, кто наделен даром угождать власть имущим, – будут, видимо, направлять за рубеж для установления «культурных связей»; подобно «вандерфогелям» Веймарского периода¹¹, эту

³ Чарльз Райдер – персонаж романа И. Во «Возвращение в Брайдсхед».

⁴ Питер Флеминг (1907–1971) – британский журналист, старший брат писателя Яна Флеминга.

⁵ Грэм Грин (1904–1991), английский писатель и сотрудник британской разведки, путешествовал по Либерии в 1934–1935 гг., о чем написал книгу «Путешествие без карт» (1936).

⁶ Палинур – персонаж античной мифологии, кормчий Энея, заснувший во время переправы по воле разгневанной Венеры и выпавший за борт вместе с кормовым веслом. Был убит на берегу местными жителями. Именем Палинура назван мыс на юге Италии.

⁷ «После этого» и «вследствие этого» (лат.).

⁸ Йорик – центральный персонаж романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768).

⁹ «Сила через радость» – политическая организация в нацистской Германии, обеспечивавшая досуг населения рейха в соответствии с идеологическими установками национал-социализма.

¹⁰ *Dopo-lavoro* (ит. «после работы») – итальянская фашистская организация досуга и отдыха.

¹¹ ...подобно «вандерфогелям» Веймарского периода... – Вандерфогель (нем. Wandervogel, «Перелетная птица») – молодежное движение в немецкоязычных странах (Австрия, Швейцария, Люксембург), возникшее в 1896 г. и существующее по сей день. Ставит своей целью знакомство с малоизвестными, далекими от цивилизации уголками мира.

миссию, скорее всего, возьмут на себя самые молодые: поджарые, бесшабашные, неумные парочки с рюкзаками примкнут к великой армии мужчин и женщин без документов, без официальных доказательств своего появления на свет, беженцев и дезертиров, которые сегодня во всех концах света дрейфуют от одного заграждения из колючей проволоки до другого. По доброй воле я нипочем не вольюсь в их ряды.

Быть может, для английской литературы оно и неплохо. Через два поколения воздух станет чище, и, возможно, из нашей среды выйдут великие путешественники, под стать Бёртону и Доути¹². Сам я никогда не метил в великие путешественники. Меня устраивала роль типичного представителя молодежи своего времени; поездки воспринимались нами как нечто само собой разумеющееся. Отрадно сознавать, что наши путешествия пришлось на то время, когда шагалось нам легко.

И. В. Стинчком, 1945

¹² Ричард Френсис Бёртон (1821–1890) – британский путешественник, писатель, переводчик, этнограф. Чарльз Монтегю Доути (1843–1926) – британский поэт и путешественник, один из крупнейших исследователей Аравийского полуострова.

Часть первая

Морской круиз 1929 года

(Из книги «Наклейки на чемодане»)

В феврале 1929 года Лондон впал в тоску и оцепенение, будто подражая Вестминстеру, где тянулись недели последней парламентской сессии. Уже заявляло о себе звуковое кино, отбросив на двадцать лет назад развитие самого жизненного искусства столетия. В городе не было даже мало-мальски стоящего дела об убийстве. А ко всему прочему, грянули лютые морозы. Бестселлером истекших месяцев стал «Орландо» миссис Вулф¹³; и, казалось, Природа, имитируя знаменитое описание Великого холода¹⁴, рассчитывала, что ей свалится с неба какая-нибудь Готорнденская премия¹⁵. Как герцогиня Мальфи¹⁶ отшатнулась от руки мертвеца, так горожане содрогались от прикосновения к ледяному бокалу с коктейлем, негнушимися роботами выбирались из продуваемых ветром такси, тянулись к ближайшей станции метрополитена и там для согрева сбивались в толпу, кашляя и чихая среди раскрытых вечерних газет.

Что до меня, я упаковал всю свою одежду, пару внушительных книг, включая шпенглеровский «Закат Европы»¹⁷, и массу рисовальных принадлежностей, поскольку перед отъездом наметил для себя великое множество совершенно невыполнимых целей, среди которых выделялись две: углубиться в серьезное чтение и посвятить себя рисованию. Потом, сев на самолет, я добрался до Парижа, где провел ночь в компании добродушных, щедрых и очень обаятельных американцев. Они горели желанием показать мне весьма популярное в то время заведение «У Бриктоп»¹⁸. Появляться там раньше полуночи, как они считали, не имело смысла, так что для начала мы отправились во «Флоренцию». Там все заказали шампанское, поскольку одним из своеобразных проявлений французской свободы служит то, что ничего другого пить не положено.

Оттуда мы перешли в подвальное заведение под вывеской «Бар Нью-Йорк». При нашем появлении все посетители начали стучать по столешницам деревянными молоточками, а певец, молодой еврей, отпустил шутку по поводу горностаевого мантио, в котором щеголяла дама из нашей компании. Мы снова выпили шампанского, еще более скверного, и теперь уже двинулись к «Бриктоп», но на дверях увидели объявление: «Открываемся в 4 часа. Брики»; нам оставалось только возобновить обход питейных заведений.

В кафе «Ле Фетиш» официантки в смокингах приглашали наших дам на танец. Я с интересом наблюдал, как видная собой мужеподобная гардеробщица ловко увела шелковое кашне у пожилого немца.

¹³ Роман Вирджинии Вулф «Орландо» вышел в 1928 г.

¹⁴ ...знаменитое описание Великого холода... – Первая глава романа В. Вулф «Орландо» известна как «русская», поскольку в ней описан приход в Англию Великого холода, а вместе с ним – русского корабля. Знакомство Орландо с дочерью русского посла Сашей происходит на скованной льдом Темзе во время Великого холода 1607 г.

¹⁵ Готорнденская премия – учрежденная в 1919 г. литературная премия, ежегодно (с отдельными исключениями) присуждаемая в Великобритании за литературные произведения любых форм и жанров. Готорнденская премия 1936 г. была присуждена Ивлину Во за биографию «Эдмунд Кампион, иезуит и мученик».

¹⁶ ...герцогиня Мальфи... – Героиня кровавой пьесы Джона Уэбстера «Герцогиня Мальфи» (ок. 1612–1613), написанной в жанре трагедии мести.

¹⁷ ...шпенглеровский «Закат Европы»... – Философский труд Освальда Шпенглера, впервые опубликованный в 1918 (т. I) и 1920 (т. II) гг. и завоевавший популярность в интеллектуальных кругах.

¹⁸ ...заведение «У Бриктоп». – Ресторан-кабаре, в 1926–1936 гг. находившийся на рю Пигаль, 66, в Париже. Хозяйкой его была певица и танцовщица Ада Смит (1894–1984) по прозвищу Бриктоп, заведовавшая также и популярным ночным клубом «Le Grand Duc», расположенным неподалеку. Ада появилась в роли самой себя в фильме Вуди Аллена «Зелиг» (1983).

Потом мы переместились в «Плантацию», а оттуда – в «Музыкальную шкатулку»: и тут, и там была такая темень, что мы едва различали свои бокалы (с еще более гнусным шампанским); затем посидели в «Шахерезаде», где нам подали шашлык из пяти разных внутренних органов барашка, нанизанных с луком и лавровым листом на тлеющие с одного конца шампуры; вкус был отменный.

Оттуда перешли в «Казбек», ничем не отличавшийся от «Шахерезады».

Наконец, в четыре часа утра, мы вернулись к «Бриктоп». К нам подошла Бриктоп собственной персоной и присела за наш столик. Нам показалось, что фальши в ней меньше, чем в какой-либо другой парижской знаменитости. Из ее заведения мы вышли уже среди бела дня, поехали на центральный рынок «Ле-Аль» и там, в «Безмятежном папаше», отведали превосходного, пикантного лукового супа; правда, одна из наших дам, та, что помоложе, заказала пучок лука-порея и сжевала его сырым. Я поинтересовался у организатора этого праздника жизни, все ли свои вечера он проводит сходным образом. Нет, ответил тот: хотя бы раз в неделю он непременно остается дома ради вечерней партии в покер.

Во время примерно третьей остановки в вышеописанном паломничестве я начал узнавать лица, то и дело попадавшие нам на пути. В ту ночь на Монмартре таких паломников, как мы, было около сотни, и все кружили одним и тем же маршрутом.

Из той поездки в Париж у меня в памяти отчетливо сохранились только два эпизода.

Первое зрелище ожидало меня на Пляс-Бово, где стоял мужчина, с которым произошел уникальный, как я считаю, случай. Тот господин средних лет, одетый в сюртук и шляпу-котелок, принадлежал, судя по всему, к числу конторских служащих; у него вспыхнул зонтик. Ума не приложу, как такое могло случиться. Проезжая мимо на такси, я заметил этого человека в гуще небольшой толпы: зонтик он держал на расстоянии вытянутой руки, чтобы не обжечься. День выдался без дождя, и зонтик полыхал ясным пламенем. Сколько было возможно, я наблюдал за этой сценой из небольшого заднего окошка и видел, как тот человек в конце концов отпустил рукоять и ногой толкнул зонтик в канаву. Оттуда повалил дым, толпа с любопытством глазела, но потом рассеялась. В Лондоне зеваки сочли бы это забавнейшим происшествием, однако здесь никто из очевидцев не рассмеялся; по возвращении в Лондон я не раз пересказывал эту историю своим знакомым, но никто до сих пор не верит ни единому слову.

Второй эпизод приключился в ночном клубе под вывеской «Двойной шпагат». У тех, кому небезразличен «колорит эпохи», есть масса возможностей поразмышлять, как менялось значение той вывески, отражавшей переход от Парижа Тулуз-Лотрека к Парижу мсье Кокто¹⁹. Первоначальный смысл – «продольная трещина»: это весьма сложный хореографический элемент, поперечный шпагат, при котором ступни танцовщицы скользят в стороны, пока туловище не опустится на пол. Именно так Ля Гулю и Ля Мелонит, «менады декаданса», привычно завершали свои сольные номера, лукаво демонстрируя полоску бедра между черным шелковым чулком и оборками нижней юбочки. В наше время такого не увидишь. От прежнего ночного клуба остался пустой звук – одно название, обозначенное электрическими огоньками, декорированное бухтами каната и зеркальным стеклом; на столиках стоят миниатюрные подсвеченные аквариумы, где плавают размякшие куски желатина, имитирующие лед. За барной стойкой сидят сомнительного вида молодые люди в сорочках от «Шарве»²⁰, исправляя посредством

¹⁹ ...как менялось значение той вывески, отражавшей переход от Парижа Тулуз-Лотрека к Парижу мсье Кокто. – Имя знакового французского художника и мастера афиши Анри де Тулуз-Лотрека получило широкую известность благодаря серии плакатов с изображением парижских исполнительниц кадрили (в частности, упоминаемой Ля Гулю), которая привычно завершалась вскидыванием ног (канканом). Со временем акробатические элементы танца уступили место эротическим: танцовщицы подергивали юбкой, а в финале задирали ее на голову. Роман Жана Кокто «Двойной шпагат» (1923) повествует о приехавшем на учебу в Париж юноше, который погружается в мир столичной богемы, предаваясь разгульной жизни и любовным утехам с представителями обоих полов.

²⁰ ...в сорочках от «Шарве»... – Бренд, основанный в 1838 г. сыном портного Наполеона Бонапарта Жозеф-Кристофом

пухówek и губной помады все изыяны своей внешности, причиненные гренадином и шоколадным ликером. В этом заведении я провел один вечер в тесной компании. За соседним столиком сидела в высшей степени элегантная красавица-англичанка, чье имя мы, как принято говорить, сохраним в тайне. Ее сопровождал весьма импозантный, эффектный мужчина, оказавшийся, как выяснилось позже, бароном из Бельгии. В нашей компании у этой дамы сыскался кто-то знакомый; последовали неразборчивые представления. Она переспросила:

– Как вы называли этого юношу?

Ей ответили: Ивлин Во.

Она поинтересовалась:

– И чем он занимается?

Нашу компанию этот вопрос поставил в тупик. Кто-то предположил, что я вроде бы английский писатель.

Дама сказала:

– Я сразу поняла. Он единственный человек на свете, с кем я давно мечтаю познакомиться. – (Здесь попрошу вас набраться терпения: этот рассказ в итоге приведет к моему позору.) – Сделайте одолжение, подвиньтесь, чтобы я могла перейти за ваш столик и сесть рядом с этим юношей.

Присоединившись к нам, англичанка завела со мной беседу.

– По вашим фотографиям, – начала она, – я бы нипочем не определила, что вы блондин.

Я не знал, как на это реагировать, но, к счастью, выкручиваться не пришлось: дама тут же продолжила:

– Не далее как на прошлой неделе я прочла вашу статью в «Ивнинг стэндард». Она произвела на меня такое впечатление, что я ее вырезала и отправила своей матери.

– Мне за нее заплатили десять гиней, – сообщил я.

В этот момент бельгийский барон пригласил ее на танец. Она сказала:

– Нет-нет. Я упиваюсь талантом этого чудесного юноши. – А потом обратилась ко мне: – Вообразите, у меня есть дар ясновидения. При входе в этот зал я мгновенно ощутила незаурядную мужскую ауру и решила во что бы то ни стало распознать, от кого же она исходит.

Настоящего прозаика, видимо, не удивить такими разговорами. Но для меня эта беседа оказалась непривычной и очень лестной. К тому времени я опубликовал две невразумительные книжицы и по-прежнему считал себя не столько писателем, сколько безработным учителем частной школы.

Моя собеседница произнесла:

– Знаете, наша эпоха породила еще одного великого гения. Сможете угадать его имя?

Я осторожно предположил: Эйнштейн? Нет... Чарли Чаплин? Нет... Джеймс Джойс? Нет... Тогда кто же?

Она ответила:

– Морис Декобра²¹. Чтобы вас познакомить, я устрою в «Ритце» суаре для узкого круга. Если мне удастся свести вместе двух великих гениев нашей эпохи, то дальше я буду жить с ощущением, что хотя бы отчасти оправдала свое присутствие в этом мире. Каждый человек обязан совершить поступок, оправдывающий его существование... вы согласны?

Некоторое время разговор шел вполне гладко. Потом она произнесла фразу, которая меня слегка насторожила:

– Знаете, я настолько люблю ваши книги, что неизменно беру их, все без исключения, в каждую поездку. И расставляю в ряд на ночном столике.

Шарве.

²¹ Морис Декобра (1885–1973) – известный французский беллетрист, автор приключенческой и детективной литературы. Декобра был близок к кругам русской литературной эмиграции в Париже 1920–1930-х гг. и даже называл себя, на русский манер, Морисом Анатольевичем.

– А вы, часом, не путаете меня с моим братом Алеком? Он написал гораздо больше книг, чем я.

– Как вы его называли?

– Алек.

– Ну разумеется. А вас тогда как зовут?

– Ивлин.

– Но... но... мне сказали, что вы занимаетесь литературой.

– Да, немного пописываю. Видите ли, другой работы я найти не сумел.

Ее разочарование было столь же велико, сколь в начале вечера – ее дружелюбие.

– Вот оно что, – изрекла она, – какая незадача.

И пошла танцевать с бельгийским бароном, после чего вернулась за свой прежний столик. На прощание она туманно выговорила:

– Вне сомнения, мы еще встретимся.

Я далеко не уверен. Равно как и в том, что она поставит мою книжку, где описывается это недоразумение, у своего изголовья, в один ряд с произведениями моего брата.

Дальше мне предстояло отправиться в Монте-Карло, где я забронировал место на пароходе «Стелла поларис»²².

В мои планы входило доехать до Монако, поскольку там, как мне говорили, гостиницы дешевле, да и посадка на рейс удобнее.

Железнодорожный вокзал в Монако очень тесен и непритязателен. Единственный носильщик, которого мне удалось найти, работал под эгидой гостиницы с довольно внушительным названием. Подхватив мой чемодан, он повел меня сквозь снегопад вниз по склону – в свою гостиницу. Оказалось, это всего лишь пансион в каком-то переулке. Небольшой салон целиком занимали плетеные кресла, в которых восседали за рукоделием престарелые англичанки; я спросил носильщика, нет ли в Монако гостиницы поприличнее. Отчего же нет, ответил он, в Монако все гостиницы лучше этой. Он вновь подхватил мой чемодан; за нами бросилась управляющая, но мы все же вышли в пургу и вскоре добрались до гостиницы побольше с видом на гавань.

После обеда метель улеглась; ближе к вечеру сильно похолодало, но на улице было ясно и солнечно. Путь в гору до Монте-Карло я проделал в вагончике канатной дороги. Из бастиона под променадом доносились выстрелы: рекламный щит сулил «голубиные садки»²³. Там шел какой-то турнир²⁴; участниками его оказались преимущественно латиноамериканцы с папскими титулами. Они делали какие-то удивительные движения локтями, ожидая, пока одновременно упадут створки небольшого вольера и оттуда выпорхнут живые мишени: необычные движения локтями, досадливые и виноватые, сопровождали также каждый промах. Но второе случалось редко. Уровень попаданий был высок, и у меня на глазах только три птицы, беспорядочно дергая общипанными хвостами и крыльями, избежали расстрела, но в результате попали в руки малолетних сорванцов, которые караулили кто в лодках, кто на берегу, чтобы растерзать пернатых голыми руками. Зачастую при открытии вольеров ошарашенные птицы замирали среди обломков, пока в них не запускали какой-нибудь миской; тогда они неуклюже взлетали, чтобы футом в десяти над землей попасть под пулю – обычно выпущенную из первого же ствола. Над террасой на перилах балкона сидел один из прикормленных служащими

²² Stella Polaris (лат.) – Полярная звезда.

²³ ...рекламный щит сулил «голубиные садки». – «Голубиные стрельбы», тж. «голубиные садки» – стрелковое состязание и азартное развлечение, популярное в XIX – начале XX в., которое заключалось в стрельбе по голубю, вылетающему из клетки (садка). Садочная стрельба по голубям входила в программу II и IV Олимпийских игр (1900 и 1908 гг. соответственно).

²⁴ Там шел какой-то турнир... – Монте-Карло считался одним из центров «голубиных садков», и в конце января там проходили ежегодные международные состязания, «Интернациональная неделя», с крупным призовым фондом.

«Казино Монте-Карло» голубей, неприкосновенный здоровяк, без видимых эмоций наблюдавший за бойней. Единственный здравый отзыв об этой забаве я услышал от постояльца отеля «Бристоль», который заметил, что джентльменам такое не к лицу.

Во время моего пребывания в Монако там каждую ночь свирепствовали снежные бури, иногда длившиеся чуть ли не до полудня, но всякий раз последствия их устранились в течение часа. На улицы одновременно с падением последней снежинки высыпала целая армия деловитых, одетых в синие комбинезоны человечков, вооруженных метлами, шлангами и тачками: они обдавали кипятком и отскребали от наледи тротуары, а также разметали газоны; приставив стремянки к стволам, взбирались на деревья и отряхивали от снега ветви; каждая цветочная клумба, заблаговременно накрытая провололочной рамой с натянутым на нее зеленым сукном и засыпанная соломой, освобождалась из этого плена, являя взору яркие цветы; те кустики, что были побиты морозом, немедленно заменялись свежими, еще хранившими тепло питомника. Более того, неприглядные сугробы тут же убирались с глаз долой, даже в самых не приметных закоулках, где в других городах они, бывает, высятся не одну неделю после оттепели. Снег, сгруженный в тачки и брезентовые мешки, незамедлительно увозился (не исключено, что за границу) или сбрасывался в море, но в любом случае за пределами видимости Империи Казино.

Прибытие «Стеллы поларис» вызвало ажиотаж. После перехода из Барселоны она вошла в порт ближе к ночи при весьма неблагоприятных погодных условиях. Я увидел ее огни через всю гавань и услышал отдаленные звуки судового оркестра, исполнявшего танцевальную музыку, но, чтобы рассмотреть пароход вблизи, вернулся к причалу только наутро. Судно с высокой осадкой, с заостренным, поднятым, как у парусника, форштевнем, с чисто белым корпусом и единственной трубой, выкрашенной в желтый цвет, поражало своей красотой.

За рубежом каждый англичанин предпочитает, пока не доказано обратное, считать себя не туристом, а путешественником. Наблюдая, как мой багаж поднимают на борт «Стеллы», я понял, что притворяться более не имеет смысла. И я, и мои попутчики бескомпромиссно и безоговорочно превратились в туристов.

Принадлежащая норвежской судоходной компании «Стелла поларис», моторная яхта водоизмещением шесть тысяч тонн, способна при полной загрузке взять на борт около двухсот пассажиров. Как и предполагает ее происхождение, она сверкает нордической, почти ледяной чистотой. Раньше мне только в больницах доводилось видеть такое отдраенное и начищенное пространство. Должности судового врача и медсестры занимали англичане, тогда как офицерский состав и палубная команда, а также парикмахер, фотограф и другие разнообразные специалисты все были норвежцами. Стюарды представляли собою многонациональный и многоязычный конгломерат из уроженцев Норвегии, Швейцарии, Британии, Италии, то есть тех стран, что поставляют службу для всего мира. Учтивостью и расторопностью эти люди могли дать сто очков вперед Дживсу, к особому восторгу тех пассажиров-англичан, которых погнала за рубеж нехватка обслуживающего персонала для фамильных особняков. Пассажиры, кстати, тоже являли собой пеструю картину, однако преобладали среди них англичане, да и официальным языком на судне был английский.

Командный состав, похоже, с равной степенью беглости говорил на всех языках; некоторые из офицеров прежде ходили на быстроходных парусниках; после ужина, сидя между танцами в палубных креслах, пока судно гладко скользило через теплый мрак на скорости в пятнадцать узлов, они травили леденящие кровь байки о начале своего пути, о тайфунах, о полном штиле и прочих злоключениях; думаю, временами на всех накатывала легкая тоска от нынешнего оранжерейного существования, и тогда они утешались воспоминаниями.

Вскоре я стал ловить себя на мысли, что мне куда интереснее наблюдать за своими попутчиками и их поведением в каждом порту захода, нежели осматривать достопримечательности.

Один из человеческих типов, кои преобладают на круизных судах, – это обеспеченные вдовы средних лет: дети у них благополучно пристроены в школы-интернаты с солидной репутацией, слуги причиняют одни неприятности, а сами хозяйки, как оказалось, нынче распоряжаются такими средствами, о каких прежде не помышляли; взоры их обращаются к рекламным буклетам судоходных компаний и обнаруживают стандартный набор фраз, полупоэтических, чуть пьянящих, которые призваны рисовать в неискушенных умах слегка нереальные, гламурные картины. «Тайны. Истории. Море. Удовольствия». Откровенно сексуального посыла в них нет. Есть только розовая дымка ассоциаций: пустыня под луной, пирамиды, пальмы, сфинксы, верблюды, оазисы, мулла, нараспев читающий вечернюю молитву с высокого минарета, Аллах, Хитченс²⁵, миссис Шеридан²⁶ – весь перечень исподволь указывает на шейхов, похищение и гарем, но пребывающий в счастливом неведении ум не делает столь рискованных выводов: он видит общее направление и восхищается панорамой издалека.

Сдается мне, это самые счастливые путешественницы: им неведомо разочарование от увиденного. После каждой экскурсии они возвращаются на борт с горящими глазами: им дали возможность приобщиться к удивительным тайнам, речь их обогатилась лексикой управляющего туристическим бюро; руки оттянуты покупками. Увидеть, что они сметаю с прилавков, – само по себе диво. В этих местах, насколько можно судить, традиционная рачительность, которая двадцать лет требовала приобретения электрических лампочек, консервированных абрикосов и теплого белья для детишек, выходит из-под контроля. Пассажиры начинают виртуозно торговаться, а вечерами в кофейном салоне уподобляются рыболовам из юмористических журналов и азартно лгут, сравнивая цены и пуская по рукам свою добычу под рокот восхищения и баек одна другой хлеще. Интересно, какая судьба ждет весь этот хлам? Когда, уже в Англии, его распакут в сером свете какого-нибудь провинциального утра, не развеется ли хотя бы отчасти волшебная дымка? Не откроются ли черты его сходства с теми безделушками, что выставлены в галантерейной лавке чуть дальше по улице? Перейдет ли он к друзьям и родным в знак того, что в круизе о них не забывали, или же будет бережно храниться на стенах и редких консольных столиках, как проклятье для горничной и вместе с тем как постоянное напоминание об этих магических вечерах под более широкими небесами, где устраивались танцы, скользили подтянутые офицерские фигуры, плыл над водой звон храмовых колоколов, базары окутывал загадочный полумрак, а в воздухе витали Аллах, Хитченс и миссис Шеридан?

Но далеко не все пассажиры были одинаковы. Я даже сдружился с одной молодой парой; звали их Джеффри и Джулиет.

В небольшом офисе на прогулочной палубе «Стеллы» работало экскурсионное бюро, которым ведал терпеливый и необычайно обаятельный норвежец, бывший капитан дальнего плавания; пассажиры во всех подробностях обсуждали насущные вопросы целесообразности предлагаемых экскурсий. В Неаполе, сойдя на берег в полном одиночестве и не зная ни слова по-итальянски, я горько пожалел, что не присоединился ни к одной группе.

В гавань мы вошли ранним воскресным утром и пришвартовались у причала. Там уже стоял немецкий круизный лайнер, который в течение следующих недель нам предстояло лицезреть не один раз: наши маршруты совпадали практически полностью. Да и конструкцией он мало чем отличался от «Стеллы», но наши офицеры пренебрежительно отзывались о его ходовых качествах. В день спуска на воду, говорили они, лайнер опрокинулся и теперь вынужден брать балласт из бетонных плит. На палубе у него стоял маленький черный аэроплан, и пассажиры, заплатив по пять гиней с носа, получали возможность покружить над заливом. В

²⁵ Роберт Хитченс (1864–1950) – британский журналист, писатель; автор романа «Сад Аллаха» (1904), трижды экранизированного.

²⁶ Элизабет Энн Шеридан (1754–1792), талантливая вокалистка и инструменталистка, положила профессиональное будущее на алтарь семьи, выйдя замуж за известного ирландского поэта, сатирика и драматурга Ричарда Бринсли Шеридана. «Портрет миссис Ричард Бринсли Шеридан» – картина, написанная Томасом Гейнсборо между 1785 и 1787 г.

темноте название лайнера высвечивалось разноцветными буквами на шлюпочной палубе. Два судовых оркестра, сменяя друг друга, не умолкали, считай, круглые сутки. Почти все пассажиры, немцы средних лет, были на редкость непривлекательны, зато одевались изобретательно и смело. Один мужчина неизменно появлялся в сюртуке, белых брюках и берете. На «Стелле» все прониклись глубоким презрением к той вульгарной посудине.

После завтрака выяснилось, что паспортные и карантинные формальности уже завершены и мы можем беспрепятственно выходить на берег. Стайка англичанок с молитвенниками в руках отправилась на поиски протестантской церкви. Потом дамы сетовали, что их бессовестно обманул извозчик, который, поколесив кругами, содрал с них восемьдесят пять лир. Кроме того, он убеждал их вместо заутрени отправиться посмотреть какие-то помпейские танцы. Аналогичному нажиму подвергся и я сам. Не успел я сойти с трапа, как в мою сторону, излучая сердечность, ринулся с приветствиями коротышка в соломенной шляпе. На его коричневой, весьма жизнерадостной физиономии сверкала подкупающая улыбка.

– Здравствуйте, да, это я вам, синьор. Доброе утро, – кричал он. – Вы хотите одна миленькая женщина.

Я ответил: нет, для этого, пожалуй, рановато.

– Ладно, тогда вы хотите посмотреть помпейские танцы. Стекланный домик. Все девочки голышом. Очень искусницы, очень бесстыжий, очень французский.

Я отказался, и он стал предлагать другие развлечения, которые редко ассоциируются с воскресным утром. За этой беседой мы дошли до конца причала, где начиналась стоянка экипажей. Там я нанял небольшой кабриолет. Сводник попытался вскочить на облучок, но получил грубый отпор от извозчика. Я попросил отвезти меня к собору, но вместо этого был доставлен к гнездилищу пороков.

– Это здесь, – объявил извозчик. – Помпейские танцы.

– Нет, – отрезал я, – к собору.

Извозчик пожал плечами. Плата за проезд до собора составляла восемь лир, но объездные дороги потянули на все тридцать пять. Утратив опыт путешествий, я вступил в пререкания с кучером и начал приводить совершенно неуместные доводы, но в конце концов был вынужден заплатить сполна и направился в собор. К обеду пришла масса народу. Один мужчина оторвался от молитвенника и шагнул ко мне:

– После служба. Вы хотите идти в помпейские танцы?

С протестантской отрешенностью я только помотал головой.

– Отличный девочки?

Я отвел глаза. Он пожал плечами, осенил себя крестным знаменем и вернулся к молитве...

В тот же вечер, во время ужина за капитанским столом, сидевшая рядом со мной дама сказала:

– Кстати, мистер Во, хранитель музея поведал мне об очень любопытной традиции помпейских танцев, которые, судя по всему, исполняются по сей день. Из его рассказа я поняла не все, но мне показалось, что это зрелище достойно внимания. Вот я и подумала: не согласитесь ли вы...

У неаполитанских извозчиков обнаружилась совершенно несносная привычка (одна из многих): когда им объясняешь, куда ехать, они радостно кивают, потом выбирают замысловатый и, несомненно, кружной путь, а доставив тебя к зданию с фресками, которые ты хотел увидеть, разворачиваются на облучке к тебе лицом, с любезной улыбкой изображают поворот ключа в дверном замке и приговаривают: «*Chiusa, signore*»²⁷. Во второй половине дня мне удалось посетить только капеллу Сан-Северо, но все усилия, затраченные на ее поиски, были воз-

²⁷ «Закрето, синьор» (ит.).

награждены сторицей. Мой извозчик слыхом не слыхивал такого названия, но после бесконечных расспросов мы все же отыскали небольшую дверцу в каком-то закоулке. Спустившись с облучка, извозчик пошел за зрителем и после долгого отсутствия вернулся с прелестной босой девчушкой, которая несла в руке связку массивных ключей. Из уличного запустения мы шагнули в щедрую роскошь барокко. Топоча по церкви, маленькая ключница на удивление зычным голосом перечисляла приделы и надгробья. Скульптурное убранство этого здания ошеломляет, в особенности шедевр Антонио Коррадини «Целомудрие» – крупная женская фигура, с головы до пят окутанная прозрачной вуалью. Не знаю, может ли подражательная способность искусства превзойти этот уровень: каждая черточка лица и фигуры отчетливо различима под облегающей мраморной драпировкой, свободны от нее только кисти рук и стопы, но переходы текстуры от мрамора, изображающего открытую плоть, к мрамору, изображающему плоть под вуалью, настолько тонки, что не поддаются трезвому анализу.

Пока я осматривал капеллу, мой извозчик воспользовался случаем помолиться. В этой церкви, такой холодной и неухоженной, где не было ничего, кроме почти живых мраморных скульптур, его действия показались мне слегка неуместными.

Когда я завершил свою достаточно подробную экскурсию, юная ключница зажгла свечу и поманила меня к боковой двери; в этот миг ее личико озарилось подлинным восторгом. Спустившись на несколько ступеней вниз, мы свернули за угол. Если не считать горящей свечи, там царил непроглядный мрак, а в ноздри ударял густой запах тлена. Девчушка посторонилась, чтобы я смог разглядеть цель нашего спуска. В двух прислоненных к стене гробах, выполненных в стиле рококо, стояли в полный рост две фигуры со скрещенными на груди руками. Полностью обнаженные, темно-бурого цвета. У каждой имелось некоторое количество зубов и некоторое количество волос. Первой моей мыслью было то, что столь виртуозное исполнение увидишь нечасто. Но потом до меня дошло: это же эксгумированные трупы, которые частично мумифицировались в сухом воздухе, подобно мощам под дублинской церковью Святого Михана. При ближайшем рассмотрении я понял, что это мужчина и женщина. Мужское тело было рассечено и демонстрировало сплетение ссохшихся легких и органов пищеварения. Погрузив личико в это отверстие, девочка начала делать глубокие, жадные вдохи. А затем призвала меня последовать ее примеру.

– Вкусно пахнет, – сообщила она. – Приятно.

Мы вернулись из подземелья в зал.

Я задал ей вопрос об этих трупах.

– Ими священник занимается, – ответила девочка.

С моря город Катанья выглядел грязноватым и невзрачным. Навстречу нам вышла моторная шлюпка, до предела набитая портовыми чиновниками, представителями карантинной службы, пограничниками и другими официальными лицами; почти все они были в красивейшей парадной форме, в плащах, с кортиками и в треуголках. Для визитеров спустили отдельный трап, но довольно сильная качка мешала им подняться на борт. Когда волна подбрасывала шлюпку к трапу, официальные лица тянулись к поручням и к могучему норвежцу-матросу, стоящему на вахте. Некоторым удавалось вцепиться в поручни, но всякий раз, когда шлюпка находилась в высшей точке, мужество им изменяло; вместо того чтобы решительно ступить на трап, они слегка подпрыгивали, а затем отпускали поручень. Особой ловкости от них не требовалось: по возвращении из Таормины все пассажиры, в том числе и пожилые дамы, без труда совершали этот маневр. Однако сицилийцы вскоре оставили свои тщетные попытки и ограничились тем, что дважды обошли вокруг лайнера, словно вознамерившись показать, что вовсе не собирались подниматься на борт, а затем возвратились в свои конторы.

Мы с Джеффри на часок-другой сошли на берег. Местные городские жители представляли собой убогое зрелище, особенно уличные ребяташки, которые сбивались в небольшие

тоскливые кучки на углах, что, вообще говоря, свойственно только взрослым мужчинам, да и то в более благополучных местах.

В тот вечер мы взяли курс на восток и за двое суток штиля достигли Хайфы. Как раз в эти дни Джулиет слегла с пневмонией, и мы с Джеффри почти не виделись. На лайнере полным ходом велись палубные игры.

Чтобы придать им видимость турниров, на борту создали комиссию, куда по чистой случайности вошел и я, напрочь лишенный организаторских способностей. Любопытно было наблюдать за англичанами: они по большей части рьяно брались за организацию состязаний, подсчет очков и судейство, но к играм как таковым относились с явно легкомысленной небрежностью. В свою очередь, представители других наций, особенно скандинавы, всеми силами рвались к победе.

Через двое суток соревнований, уже затемно, мы прибыли в Хайфу. В последнее время это название мелькало на газетных полосах в связи с антиеврейскими выступлениями. Наутро город выглядел вполне мирным; других крупных судов в гавани не было, а местные жители по причине морозящего дождя в основном сидели по домам.

Памятуя о своем неаполитанском опыте, я присоединился к организованным экскурсиям в Назарет, Тиверию и на гору Кармель. Сразу после завтрака мы вместе с другими пассажирами «Стеллы» сошли на берег. На пристани нас ожидали автомобили. Мне досталось место на переднем сиденье «бьюика», рядом с водителем, который отличался землистым интеллигентным лицом и европейской одеждой. Другие водители в большинстве своем сидели в фесках; наш главный сопровождающий выделялся гигантскими усами, которые напоминали бизоньи рога и виднелись даже со спины. Позже мы обогнали караванщиков – несколько семей в арабских одеждах. В здешний пейзаж они как-то не вписывались: если бы не эти торчащие тут и там пучки кактусов, эти холмы в сиреновой дымке мелкого дождика, это скопление евреев среди уныния хвойников, все остальное могло сойти за облюбованный куропатками уголок Шотландского нагорья.

Наш водитель проявлял нервозность и досаду. Он не расставался с пачкой «Лаки страйк». Прикуривая очередную сигарету от предыдущей, он отпускал руль, причем нередко на поворотах, даже не думал сбрасывать скорость и быстро оторвался от основной кавалькады. Когда мы чудом избегали столкновений, он раздражался свирепым хохотом. По-английски он говорил почти безупречно, с американским акцентом. Признался, что в пути курение заменяет ему еду и питье; в прошлом месяце он возил одного господина, немца, в Багдад и обратно, после чего приболел. Улыбался он разве что на перекрестках или на проселочных дорогах, когда перед нами выскакивал на проезжую часть какой-нибудь карапуз, чья мать отчаянно голосила вслед. В такие моменты водитель втапливал педаль газа и азартно подавался вперед. Когда ребенок уворачивался буквально из-под колес, шофер издавал огорченный присвист и с учтивой грустью возобновлял свои нескончаемые байки, мрачные, но корректные. У этого человека, по его собственному признанию, не было ни религиозных убеждений, ни дома, ни национальности. Его сиротское детство прошло в Нью-Йорке, под надзором Комитета помощи Ближнему Востоку²⁸; наверняка утверждать он не мог, но предполагал, что родители его погибли от рук турок. Америка, сказал он, ему полюбилась: там народ богатый. После войны он пытался получить американское гражданство, но не тут-то было. У него начались серьезные неприятности из-за «бумажек»; я так и не понял, каких именно. Его отправили осваивать Палестину. В Палестине ему не понравилось: там богатых – раз-два и обчелся. Евреев он терпеть не мог за их нищету, а потому подался в магометанство. Ему полагалась дюжина жен, но он так и остался бобылем. Женщины требуют времени и денег. А он планировал разбогатеть, чтобы постоянно,

²⁸ Американский комитет помощи Ближнему Востоку, образован в 1918 г., впоследствии сменил название на Ближневосточный фонд.

до самой смерти переезжать с места на место. Глядишь, если он разбогатеет, ему и гражданство американское дадут. Но селиться в Америке он не собирается: просто в поездках хорошо представляться американцем – уважения больше. Да, его ведь и в Лондон как-то раз занесло: неплохой город, богачей полно. Как и Париж, между прочим: тоже городок приятный, да и богачей немало. Доволен ли он своей нынешней работой? «А к чему еще себя приложить в этой вонючей дыре? Одно название: Святая земля». Была у него и цель на ближайшее будущее: устроиться стюардом, только не на вонючее корыто, а на такое судно, как «Стелла поларис», где богачей полно.

Мы приехали в Кану Галилейскую, где маленькая девочка торговала вином в кувшинах. Кувшины были подлинные, времен таинства превращения воды в вино. Для кого они слишком велики, тому она вызывалась живо принести из дома поменьше; ясное дело, такие же подлинные. Дальше мы направились в Тиберию, рыбацкий городок с кубиками домов на берегу Галилейского моря²⁹. Там находились руины какой-то крепости, а также горячие минеральные источники, питавшие белые, увенчанные куполом общественные бани. Туда нас и повели. Во внутреннем дворе проходило нечто вроде пикника; арабская семья, сидя прямо на земле, подкреплялась лепешками и изюмом. В банях было темно; нагие купальщики возлежали в клубах пара, не замечая нашего вторжения. Обедали мы в Назарете – в отеле, который держали немцы: нам подали омлет, рубленые бифштексы, свинину и весьма посредственное вино под названием «Золото Яффы». За время обеда дождь прекратился. Мы отправились на экскурсию по святым местам. Нам показали пещеры: в одной произошло Благовещение, в другой некогда находилась мастерская Иосифа. Врата отворял для нас жизнерадостный рыжебородый монах-ирландец. Он, как и мы, скептически относился к пещерным предпочтениям Святого семейства.

Реакция моих попутчиков была весьма любопытной. Этот здравомыслящий клирик вызывал у них раздражение. В роли сопровождающего они ожидали увидеть человека средневекового склада: очень богобоязненного и легковерного, к которому можно относиться со скрытой насмешкой. На деле же объектом насмешки – причем со стороны Церкви – сделались мы сами. Это ведь не кто-нибудь, а мы проехали двадцать четыре мили, чтобы только опустить свою лепту в сундучок для сбора пожертвований, и таким суеверием вызвали у него легкую иронию.

У стен церкви предлагался ходкий товар: пресс-папье из оливкового дерева. К нашим ногам бросались мальчишки – чистильщики обуви. Монахиня продавала вырезанные из бумаги кружевные салфетки. Навязывала свои услуги старуха-гадалка. Пробиваясь сквозь толпу назаретян, мы возвращались к автомобилям. Наш водитель курил в одиночестве. Эта шоферня, бросил он, сплошь невежды и дурачье. С ними трепаться – только зря время убивать. Он издевательски обвел глазами купленные нами сувениры.

– Все это не представляет никакого интереса, – заявил он, – абсолютно никакого. Но коль скоро у вас возникло желание их приобрести, надо было обратиться ко мне. Я бы сторговал вам их в десять раз дешевле.

С оглушительным криком он схватил гаечный ключ и прошелся по пальцам какого-то старика, пытавшегося всучить нам мухобойку. Наша поездка продолжилась. По склонам холмов пестрели златоцветники, анемоны, цикламены. Мы попросили водителя сделать остановку, и я вышел, чтобы нарвать цветов для Джулиет.

– Да вы их не довозете, они по дороге сдохнут, – сказал водитель.

Бедняга Джеффри вместе с судовым врачом целый день занимался поисками сиделки. В конце концов они заручились услугами приземистой молодой особы неопределенной национальности: та кое-как изъяснялась по-английски и имела опыт работы в стационаре. Для начала она в течение получаса растирала Джулиет жестким полотенцем и перекатывала с одного

²⁹ Другое название: Тивериадское или Генисаретское озеро.

края кровати на другой; в итоге у больной угрожающе подскочила температура. Тогда, вооружившись пилкой для ногтей, сиделка принялась соскребать налет у Джулиет с языка. Вследствие таких трудов помощницу по уходу сильно укачало, и она ретировалась к себе в каюту, а несчастный Джеффри, который сутки провел без сна, вновь остался бодрствовать, но уже на пару с горничной (к которой сиделка обращалась «сестра»). В Порт-Саиде сиделку отправили поездом восвояси. Это был ее первый выход в море. Она провела его у себя в каюте, лежа пластом на койке, но тем не менее высказала глубокое удовлетворение своим боевым крещением и обратилась к судовому врачу с просьбой о предоставлении ей штатной должности. После ее списания на берег Джеффри обнаружил у нее в каюте странный документ, написанный на фирменном листе судовой почтовой бумаги. Сверху, над эмблемой пароходства, читалась карандашная строка, нацарапанная весьма нетвердым почерком: «Пневмония (La Grippe) очень превалентное эпидемическое Заболевание весной является».

В Хайфе многие пассажиры на время распрощались со «Стеллой», дабы продолжить путь в Египет через Дамаск и Иерусалим, а по прошествии восьми дней вернуться на лайнер в Порт-Саиде. Остальные переночевали на борту, а наутро отправились поездом в Каир и Луксор. После первого дня стоянки в Порт-Саиде на борту оставались только мы с Джеффри и Джулиет, да еще двое больных. Для всего экипажа такая неделя праздности в середине круиза – настоящий подарок судьбы. Офицеры переодеваются в гражданское и едут за покупками в «Симон Арцт»³⁰; палубная команда и обслуга отправляются в увольнение веселыми компаниями человек по шесть-семь. Для них это, наверное, единственная возможность совершить какую-нибудь продолжительную вылазку; небольшая группа даже уехала на весь день в Каир. Те же, кто несет вахту, совершают невиданные чудеса наведения чистоты, блеска и свежести. Лайнер пополнил запасы топлива и пресной воды. На берегу в одном из кафе играл оркестр. Капитан устраивал званые обеды для официальных лиц и своих знакомых. Солнце сверкало и грело, но не припекало; мы впервые смогли с комфортом расположиться на палубе и, не кутаясь в пальто и шарфы, наблюдать за непрерывной швартовкой и отправлением больших судов по всей акватории канала.

Эту благодать нарушало только одно: серьезное обострение болезни Джулиет. Врач объявил, что по состоянию здоровья продолжать круиз она не может; в соответствии с этим заключением ее на носилках снесли на берег и увезли в Британский госпиталь. Я сопровождал процессию, в которую входили судовой врач, державший наготове подогретый бренди и чайную ложку, один из старших офицеров и полуобезумевший от волнения Джеффри в окружении плотной толпы любопытных: ее составляли египтяне, копты, арабы, матросы-индийцы и суданцы, а также санитары бригады скорой помощи, из которых двое оттесняли зевак, а остальные грузили в санитарный транспорт совсем усохшую Джулиет, до боли похожую на труп. Санитары оказались греками; они отвергли всякую оплату своих услуг. Наградой для них была возможность появиться на людях в форме. Надо думать, в Египте испокон веков не бывало других людей, согласных трудиться безвозмездно. Через пару недель я встретил одного из них на улице: он маршировал с отрядом бойскаутов, но отделился от колонны и бросился на другую сторону, чтобы пожать мне руку и справиться о здоровье Джулиет.

Поездка в госпиталь была тоскливой, а наше с Джеффри возвращение своим ходом – еще тоскливее. Британский госпиталь расположен в дальнем конце набережной. На бугристом песчаном пустыре шел азартный футбольный матч; игроки, молодые египтяне, были в полной экипировке: зеленые с белым футболки, белые трусы, полосатые гетры и новехонькие черные бутсы. Каждый удар по мячу сопровождался воплями «гип-гип-ура!»; кое у кого имелись при

³⁰ Симон Арцт (1814–1910) – табачный фабрикант и купец еврейского происхождения, чьим именем назван некогда самый известный универмаг эксклюзивных импортных товаров в Порт-Саиде, построенный в начале 1920-х гг.

себе свистки; под ногами у футболистов путалась пара коз, выискивая припорошенные песком отбросы.

Мы остановились пропустить по стаканчику на террасе «Казино-отеля»; к нам подскочил фокусник и начал проделывать трюки с живыми курами. Таких людей здесь называют балабонами – они не умолкают ни на минуту. Фокусники из них самые никудышные, зато клоуны прямо-таки отличные. Они бегают на корточках, гортанно кудахчут и, сияя улыбками, с минимальной изобретательностью достают из широченных рукавов только что запрятанные туда предметы; гвоздь программы – исчезновение в таком рукаве монеты в пять пиастров; но два-три раза посмотреть можно и даже забавно. По городу бродила маленькая арабская девочка, которая научилась мастерски им подражать; обладая редким даром отбрасывать все несущественное, она даже не озабочивалась фокусами, а заходила в какое-нибудь кафе, сновала между столиками и, приговаривая «бала-бала», вытаскивала из небольшой холщовой сумки цыпленка, чтобы тут же опустить обратно. У нее получалось не менее утомительно, чем у взрослых, и подавали ей не меньше. Правда, в тот день Джеффри было не до развлечений, а эти забавы только нагнетали его мрачность. По возвращении на судно я помог ему упаковать вещи и переселиться в гостиницу.

А через два дня и сам перебрался туда же.

Гостиница, где обосновались мы с Джеффри, стояла прямо на набережной: это была совсем новая бетонная постройка, принадлежавшая отставному офицеру-англичанину и его жене. Вся британская колония Порт-Саида рекомендовала это место по той причине, что там не увидишь «гиппи»³¹. Действительно, те, кого мы там встретили, были до мозга костей британцами, но далеко не жизнерадостными. Если приезжие и задерживаются в Порт-Саиде, то по довольно мрачным поводам. В «Боделлсе» постоянно проживали двое добродушных лоцманов, обеспечивавших проводку судов по каналу; снимал там номер и блестящий молодой адвокат, недавний выпускник Кембриджа, который невероятно скрашивал наше пребывание: дабы развеяться после курса юридических наук, он теперь исследовал ночную жизнь Александрии, Порт-Саида и Каира. Как некоторые по наитию обнаруживают в чужом доме туалетные комнаты, так этот молодой человек, прибывая на железнодорожный вокзал любого города на любом континенте, мгновенно ориентировался в плане расположения значных мест. Но если не считать его и лоцманов, постояльцы «Боделлса» в основном обретались там поневоле: их вынудила прервать морское путешествие болезнь жен или детей. Был там плантатор из Кении с маленькой дочерью и ее гувернанткой: когда он возвращался домой после четырнадцатилетнего отсутствия, его жену госпитализировали в тяжелом состоянии. Еще был капитан танковых войск, который направлялся к своему первому месту службы, в Индию: его жену срочным порядком доставили в операционную с приступом аппендицита. Остановилась там и жена военнослужащего, увозившая детей домой от нестерпимой жары: самый младший ее сын заболел менингитом. Я с содроганием ждал наступления каждого вечера, когда мы все, сидя в плетеных креслах, скорбно обсуждали состояние больных, тогда как по веранде неслышно сновали с порциями виски и содовой почтительные слуги-берберы в белых джеллабах, подпоясанных малиновыми кушаками, а сам мистер Боделл, чтобы нас приободрить, заводил допотопный граммофон или организовывал малопонятную азартную игру, для которой требовались перфорированные полоски картона.

Джеффри, кембриджский адвокат и я посвятили два или три вечера изучению центра ночной жизни, известного среди местных жителей как «район красных фонарей». Находится он на городской окраине, у озера Мензалех, близ небольшого грузового причала и товарных складов вдоль канала Мензалех; от лавок, контор и гостиниц этот район отделяет примерно миля густонаселенных арабских улиц. Найти его непросто и в светлое время суток, однако

³¹ На английском сленге – египтянин.

впотымах, даже без особого дара нашего адвоката, путь нам указали бы такси, везущие подвыпивших матросов и стюардов, или мрачного вида египтяне, которые целеустремленно обгоняли нас на узкой главной дороге.

Как-то вечером после ужина мы с большой опаской выдвинулись в том направлении, взяв с собой тщательно высчитанные суммы денег и орудия самообороны в виде дубинок из кожи и китового уса, заполненных свинцом, которыми, как ни удивительно, обеспечил нас молодой адвокат; часы, кольца и булавки для галстука мы оставили на прикроватных столиках у себя в номерах и предусмотрительно условились не посвящать Джулиет в подробности нашей экспедиции. Прогулка получилась небезынтересная. По Северной набережной курсирует нелепый вагончик на конно-ослиной тяге. Некоторое время мы шли за ослом и кобылой, а потом свернули налево и двинулись через Арабский город. На здешних улицах царило поразительное оживление. Дорожное движение там практически отсутствует, как отсутствует и разграничение тротуаров и узкой немощенной проезжей части; все пространство запружено ручными тележками, с которых продают преимущественно фрукты и сладости; мужчины и женщины торгуются и сплетничают, под ногами снуют не только бесчисленные босые детишки, но еще и козы, овцы, утки, куры и гуси. По обеим сторонам улицы тянутся деревянные дома с нависающими балконами и плоскими крышами. На этих крышах устроены курятники и ветхие временные кладовки. Прохожие к нам не приставали и, вообще говоря, даже не косились в нашу сторону. Был Рамадан, длительный мусульманский пост, когда правоверные весь день от восхода до заката ничего не едят и не пьют. Зато ночь превращается в безудержное пиршество. Едва ли не каждый прохожий нес в руках небольшую эмалированную миску с чем-то вроде молочного пудинга, куда время от времени макал, прежде чем откусить следующий кусок, аппетитный хлебец в форме бублика. Мужчины продавали какую-то разновидность лимонада из богато украшенных чеканкой кувшинов, женщины несли на головах стопки лепешек. По мере нашего продвижения вперед жилища становились все более ветхими, а улицы сужались. Нас занесло на окраину маленького суданского квартала, где течет совсем уж первобытная жизнь. А затем мы неожиданно-негаданно оказались на почти квадратной, ярко освещенной площади с двумя-тремя добротными оштукатуренными домами и стоянкой такси. Одна сторона площади выходила на черное мелководье озера, которое щетинилось мачтами рыбацких суденышек. Нас взяли в плен две или три девицы в замусоленных вечерних платьях европейского фасона и потащили к наиболее ярко освещенному зданию с надписью поперек всего фасада: «Maison Dorée»³²; девицы стали выкрикивать: «Залятой-дом, залятой-дом», «Очен красивы, очен чисты». Дом, на мой взгляд, не отличался ни красотой, ни чистотой. Расположившись в небольшом салоне со множеством восточных безделушек, мы выпили пива вместе с этими юными созданиями. К нам примкнула мадам, видная собой уроженка Марселя не старше сорока лет, в зеленом шелковом платье с вышивкой; держалась эта особа в высшей степени дружелюбно и непринужденно. Еще к нам присоединились три-четыре девицы, все более или менее белые; они сгрудились на диване и тоже потягивали пиво, делая похвально-ненавязчивые попытки завладеть нашим вниманием. По-английски ни одна не знала ни слова, кроме «Привет, мистер американ!». Их национальность так и осталась тайной. Мне они казались не то еврейками, не то армянками, не то гречанками. Мадам сообщила, что каждая обойдется в пятьдесят пиастров. Девушки все европейские. В соседних заведениях – грязь и мерзость, клиенты – одни арабы. Некоторые из девиц сбросили платья и немного потанцевали, напевая нечто вроде «та-ра-ра-бум-ди-эй»³³. Наверху гремело бурное веселье, играла концертина, билось стекло, но мадам нас туда не пустила. Тогда мы расплатились за выпивку и ушли.

³² «Золотой дом» (*фр.*), по названию знаменитого парижского ресторана.

³³ «Та-га-га Boom-der-ay!» – эстрадная песня, впервые прозвучавшая в водевиле Генри Дж. Сэйерса «Смокинг» (1891), широкую известность приобрела в исполнении британской певицы и танцовщицы Лотти Коллинз. Отсылки к популярной мелодии встречаем в литературе: у Р. Киплинга в стихотворении «Холерный лагерь» (1896) этой песенкой пастор развлекает

Заглянули в соседнее заведение, более плебейское, под названием «Фоли-Бержер»; держала его необъятных габаритов старуха-арабка, весьма слабо владевшая французским и вовсе никак – английским. У нее была лицензия на содержание восьми девушек, но штат ее, подозреваю, этим не ограничивался. При нашем появлении на улицу отрядили парнишку, который вернулся примерно с шестеркой арабских девушек, тучных, неприглядных, с кое-как наштукатуренными физиономиями. В окрестных переулках проживали вольнонаемные проститутки. Они ютились в однокомнатных лачугах размером с пляжную кабинку. Невостребованные жрицы любви сидели у распахнутых дверей и усердно вышивали; между стежками они поднимали глаза от рукоделия и зазывали клиентов; у многих на дверном косяке белела выведенная мелом цена, доходившая до двадцати пяти пиастров, но в основном запросы были скромнее. Внутри просматривался остов железной кровати и висели знамена с гербами британских полков.

На обратном пути мы наткнулись на еще один весело сверкающий огнями дом, но уже с вывеской «Maison Chabanaïs»³⁴. Каково же было наше удивление, когда в холле перед нами предстали мадам и все ее девицы из «Золотого дома». Оказалось, на сей раз мы вошли туда с черного хода. Иногда, объяснила мадам, джентльмены уходят неудовлетворенными, решают найти другое заведение, делают круг – и нередко заходят в эту дверь, а кто менее наблюдателен, даже не замечает своей оплошности.

За время нашего пребывания в Порт-Саиде Рамадан закончился праздником Ураза-байрам. Детям купались обновки, а семьи, которые не могли себе этого позволить, прикрепляли к старой одежде полоску блестящей мишуры или яркую ленточку; все шли гулять по улицам, а некоторые нанимали экипажи. Улицы Арабского города расцвели огнями и флагами, а прохожие старались производить как можно больше шума. Военные устраивали канонады; гражданские били в барабаны, дудели и трубили, а то и просто колотили в кастрюли и горлашки. Так продолжалось трое суток.

Была устроена ярмарка, работали сразу два цирка. Однажды вечером мы с Джеффри и с начальником госпиталя решили пойти в цирк, чем привели в замешательство персонал одного ночного клуба. Медсестры в госпитале тоже были неприятно поражены. «Подумайте о бедных зверюшках, – говорили они. – Нам ли не знать, как эти египтяне обращаются с животными». К слову: в отличие от европейских цирков, на манеже не было дрессированных животных.

В цирковом шатре мы оказались единственными европейцами. Стулья были расставлены на весьма шатких деревянных помостах, поднимавшихся амфитеатром на значительную высоту. Позади верхнего, самого последнего ряда находились плотно задрапированные ложи для женщин, но тех среди публики было крайне мало; большую часть зрителей составляли молодые парни. Между первым рядом и барьером арены жались мальчишки, но их гонял дубинкой нанятый следить за порядком полицейский. Все места, похоже, стоили одинаково; мы, заплатив по пять пиастров с носа, направились к верхней части амфитеатра. Между рядами ходили служители, предлагая орехи, минеральные воды, кофе и примитивные кальяны. Конструкцию такого курительного прибора составляли половинка скорлупы кокоса, до середины наполненная водой, небольшая оловянная чаша с табаком и длинный бамбуковый мундштук. Доктор меня предупредил, что даже однократное курение кальяна непременно вызовет какую-нибудь дурную болезнь; я тем не менее рискнул, и дело обошлось без последствий. Служитель поддерживает огонь в нескольких кальянах сразу, прикладываясь к каждому поочередно. Еще мы все взяли себе кофе – густой, приторный, со скрипевшей на зубах гущей.

умирающих (ср. перевод А. Сендыка: «Ти-ра-ри-ра, ра-ри-ра-ти!»), а у А. Чехова в «Трех сестрах» (1891) бессмысленный набор звуков трансформируется в знаменитый рефрен «Та-ра-ра-бумбия... сижу на тумбе я».

³⁴ Заведение использует название одного из самых роскошных и известных борделей Парижа, «Шабане», который действовал с 1878 по 1946 г.

К началу представления мы опоздали и вошли в разгар невероятно популярной клоунской репризы: на манеже переругивались два египтянина в европейских костюмах. Мы, разумеется, не понимали ни слова; время от времени они обменивались звонкими оплеухами, и это позволяло с уверенностью заключить, что номер заимствован из английского мюзик-холла. Реприза непомерно затянулась, но клоуны уходили с арены под гром аплодисментов; на смену им вышла прелестная белая девочка лет десяти-двенадцати в балетной пачке и станцевала чарльстон. Потом она ходила по рядам и продавала открытки со своим изображением. Оказалось, она француженка. Приверженцы морализаторства определенно найдут здесь пищу для размышлений: этот африканский танец, излюбленный всеми, от рабов до жиголо, пересек два континента и мало-помалу стал смещаться в южную сторону, к своим истокам.

Потом настал черед японских жонглеров, а под конец вся труппа разыграла затяжную комедию. Циркачи исполнили тоскливую народную песню, а затем с невероятной старательностью и знанием «дела» стали выходить по одному и укладываться на манеж; когда все взрослые приняли горизонтальное положение, вышла все та же девочка-балерина и растянулась на опилках; наконец, неуверенно ковыляя, появилось двух- или трехлетнее дитя, чтобы тоже лечь рядом. Все это действие заняло не меньше четверти часа. После этого все, не прерывая своей песни, начали вставать в том же порядке и уходить за кулисы. Потом объявили антракт; зрители покинули свои места и стали прогуливаться прямо по манежу, уподобившись болельщикам на крикетном стадионе «Лордз»³⁵ между иннингами. Антракт закончился, и на арене появился бесподобно сложенный негр. Для разогрева он проткнул себе щеки дюжиной вязальных спиц, оставив их торчать по обе стороны лица; в таком виде он вышел в публику и стал наклоняться к нам с чудовищной, застывшей улыбкой. Далее, взяв пригоршню гвоздей, он загнал их молотком себе в бедра. Потом разделся до усыпанных блестками трусов и начал как ни в чем не бывало валяться по доске, из которой торчали остро заточенные кухонные ножи.

Во время этого номера вспыхнула потасовка. Особого накала она достигла у выхода, непосредственно под нашими местами. Головы дерущихся оказались на уровне наших ног, так что мы, не подвергаясь серьезной опасности, получили весьма удобный наблюдательный пункт. Разобраться в происходящем было непросто: мало-помалу драка затягивала и других зрителей. Всеми забытый и обиженный, негр слез со своего деревянного ложа с клинками и обратился к толпе, шлепая себя по голой груди и тем самым показывая, каким пыткам подвергает себя в угоду публике. По правую руку от меня сидел сурового вида египтянин, владевший английским, – мы с ним успели обменяться парой фраз; неожиданно он вскочил со своего места и, перегнувшись через нас троих, от души огрел зонтом по макушке одного из драчунов, а потом с невозмутимой суровостью сел на стул, чтобы вернуться к своему кальяну.

– Из-за чего драка? – обратился я к нему.

– Драка? – переспросил он. – Кто дерется? Не видел никакой драки.

– Да вот же. – Я указал на буйство у выхода, грозившее обрушить весь цирк-шапито.

– Ах это! – протянул он. – Виноват, мне слышалось, вы сказали «драка». Это всего лишь полиция.

И действительно, когда через несколько минут толпа наконец расступилась, из ее недр показались два клокочущих неудержимой злобой констебля, которых пыталась разнять публика. В конце концов их вытолкали, чтобы они продолжили выяснение отношений на улице; зрители приводили себя в порядок и отряхивали поднятые с пола фески; все успокоилось, и могучий негр возобновил самоистязание в благодарной тишине.

Затем последовали разнообразные акробатические номера, в которых маленькая француженка демонстрировала чудеса изящества и бесстрашия. Когда мы уходили, представление

³⁵ «Лордз» – Крикетный стадион в Лондоне 1814 года постройки. При стадионе расположен музей, который считается самым старым спортивным музеем мира.

все еще было в разгаре и явно обещало ежевечерне продолжаться за полночь, до полного удовлетворения последнего зрителя. Эту малышку-француженку мы потом видели в городе: бледная и апатичная, она сидела со своим импресарио в кондитерской перед необъятным блюдом шоколадных эклеров.

В период Ураза-байрама железнодорожные билеты до Каира и обратно продавались за полцены, и мы с адвокатом решили прокатиться в очень комфортабельном мягком вагоне.

Прибыли мы ближе к вечеру и отправились на поиски гостиницы. В Египте все гостиницы скверные, причем такое положение оправдывают двумя противоположными доводами. Одни справедливо полагают, что при столь низких расценках качество обслуживания несущественно, а другие – что качество обслуживания несущественно при столь высоких расценках. Гостиницы обеих категорий процветают. Мы остановили свой выбор на первой разновидности: это было громоздкое, старомодное, принадлежащее грекам заведение «Отель Бристоль э дю Ниль» в Мидан-эль-Хазнедаре: даже в разгар сезона номер там обходится всего в восемьдесят пиастров за ночь. В моем номере было три двуспальных кровати под высокими балдахинами из пыльной противомоскитной сетки и два кресла-качалки, донельзя ветхие. Окна выходили на трамвайное кольцо. Обслуживающий персонал не говорил ни на одном из европейских языков, но это не играло особой роли, поскольку на звонок все равно никто не приходил.

Деннис – для удобства буду называть моего спутника именно так – уже бывал в Каире и теперь жаждал показать мне столичные достопримечательности: в первую очередь, естественно, «квартал красных фонарей».

По случаю праздника весь район был расцвечен иллюминацией. Через улицы от окна к окну тянулись навесы из яркой хлопчатобумажной ткани с набивным рисунком, имитирующим ковер. Расставив на тротуаре стулья, за плотной толпой гуляющих наблюдали сидящие рядом мужчины и женщины. В многочисленных небольших кофейнях собирались исключительно мужчины, которые смаковали кофе, курили, играли в шахматы. Этот район, помимо своего порочного назначения, служит еще и центром оживленной светской жизни: в некоторых кафе мужчины танцевали неторопливые и довольно неэстетичные народные танцы. Отовсюду неслась музыка. Кроме единственного патруля военной полиции, мы не увидели ни одного европейца; нас никто не разглядывал и не задевал, но нам самим было не по себе в этой почти семейной, праздничной атмосфере: мы ощущали себя непрошеными гостями, которые навязались тесной школьной компании в день рождения одноклассника. Когда мы уже собрались возвращаться в гостиницу, Деннис встретил своего приятеля-египтянина – инженера-электротехника, с которым накоротке общался в рейсе. Тот с горячностью пожал нам руки и представил своего спутника; они подхватили нас под руки, и мы вчетвером, дружески болтая, двинулись шеренгой по узкой улице. Инженер, который получил образование в Лондоне и рассчитывал занять высокий пост в телефонной компании, из кожи вон лез, чтобы создать у нас хорошее впечатление о своем городе, и попеременно то хвастался, то оправдывался. Как мы считаем: не очень ли здесь грязно? Местных жителей нельзя считать невежественными; жаль, что сегодня выходной – окажись мы здесь в любой другой день, он бы показал нам нечто такое, о чем в Лондоне слухом не слыхивали; много ли у нас было девушек в Лондоне? У него – много. Он показал нам бумажник, лопавшийся от фотографий: ну конфетки же, правда? Но это не значит, что египетские девушки – дурнушки. У многих кожа совсем светлая, как у нас; кабы не выходной, он бы мог показать нам немало красавиц.

Похоже, молодой человек пользовался известностью. Со всех сторон его приветствовали знакомые, которым он тут же представлял и нас. Те пожимали нам руки, предлагали закурить. Поскольку никто из них не говорил по-английски, эти встречи надолго не затягивались. Наконец, спросив, не желаем ли мы выпить кофе, он привел нас в какое-то заведение.

– Здесь не так дорого, как в других местах, – объяснил он, – а то ведь некоторые заламывают жуткие цены. Как у вас в Лондоне.

Называлось это заведение, как гласила намалеванная на двери надпись по-английски и по-арабски, «Великосветский дом». Поднявшись по нескончаемой лестнице, мы вошли в тесное помещение, где трое глубоких старцев играли на струнных инструментах необычной формы. Вдоль стен сидела группа элегантно одетых арабов, которые жевали орехи. В большинстве своем это мелкие землевладельцы, объяснил наш новый знакомец: приехали на праздник из провинции. Он заказал нам кофе, арахис и сигареты, а в оркестр отправил полпиастра. В комнате присутствовали две женщины: невероятно тучное белокожее создание неопределенной национальности и роскошная суданка. Хозяин вечера спросил, не желаем ли мы, чтобы одна из девушек исполнила для нас танец. Мы не стали отказываться и выбрали негритянку. Его изумил и озадачил наш выбор.

– У нее ведь такая темная кожа, – пробормотал он.

– На наш взгляд, она более миловидна, – не отступались мы.

Из соображений учтивости он не стал спорить. Мы же гости. Негритянке был дан знак танцевать. Та встала и, не глядя в нашу сторону, принялась с невыносимой медлительностью искать какое-нибудь подобие кастаньет. Было ей никак не больше семнадцати лет. Наряд ее составляло кургузое алое платье без спинки; на запястьях и на лодыжках босых ног звякали многочисленные золотые браслеты. Не какие-нибудь подделки, заверил наш новый знакомый. Девушки всегда вкладывают свои сбережения в золото. Откопав наконец кастаньеты, она начала танцевать – с выражением неизбывной скуки, но при этом с восхитительным изяществом. Чем зажигательнее становились ее движения, тем более отрешенное и бесстрастное выражение принимало чернокожее личико. В ее искусстве ничто не выдавало вульгарности: это были просто ритмичные, волнообразные чередования поз, неспешные вращения, подрагивания рук, ног и туловища. Танец длился минут пятнадцать-двадцать; все это время хозяин вечера презрительно сплевывал арахисовую шелуху ей под ноги; затем девушка взяла бубен и стала обходить зрителей, едва заметно кивая при каждом пожертвовании.

– Полпиастра, и никак не больше, – предупредил наш сопровождающий.

У меня не оказалось с собой монеты меньше пяти пиастров – ее я и бросил в бубен, но танцовщица даже бровью не повела. Она вышла, чтобы припрятать деньги, потом вернулась, села с полузакрытыми глазами на прежнее место, подперла голову ладонью и взяла себе пригоршню арахиса, который принялась грызть, сплевывая шелуху.

К этому времени мы явно сделались в тягость нашему провожатому и по этой причине, после длительного обмена любезностями и заверениями в дружеских чувствах, решив больше его не обременять, направились в европейский квартал. Там мы взяли такси, чтобы посетить какой-нибудь ночной клуб. Водитель отвез нас в «Пероке»³⁶, где было не протолкнуться от бросавшихся серпантинном молодых людей в галстуках-бабочках. Мы ожидали несколько иного, а поэтому направились за город, в Гизу, на другой берег реки. Здешнее увеселительное заведение называлось «Фантазио»; у входа гостей встречал швейцар в шикарной ливрее.

Однако наши опасения по поводу непозволительной роскоши этого заведения развеялись уже в вестибюле, где стояло множество игровых автоматов. Столики разделялись невысокими деревянными перегородками, создававшими впечатление загонов для скота; зал на три четверти пустовал. На сцене молодой египтянин скорбным тенором выводил мелодию, напоминавшую литургическое песнопение. Это выступление длилось, с краткими перерывами, все то время, что мы провели в зале. В одной из выгородок сидел колоритный старый шейх, вдрызг пьяный.

³⁶ «Попугай» (фр.).

После получаса, проведенного в «Фантазио», даже у Денниса поубавилось энтузиазма в отношении ночной жизни, а потому мы наняли открытый экипаж и под звездным небом покатались обратно в «Бристоль и Нил».

Незадолго до Пасхи врачи объявили, что Джулиет готова к выписке, так что мы собрались в дорогу и отправились из Порт-Саида в Каир. Но перед отъездом распрощались с новыми знакомыми самого разного толка, которые нас привечали. Не ограничиваясь беглым современным прощанием, мы совершили весьма торжественный обход их домов и в каждом оставляли пачечку визиток с пометкой «р.р.с.»³⁷ в углу. На торжественных ужинах в Порт-Саиде мне доводилось слышать уничижительные замечания в адрес тех, кто пренебрегает подобными знаками вежливости.

Поездка наша лишила душевного равновесия одну только Джулиет, не привыкшую к манере поведения носильщиков-египтян. Они набрасываются на любой багаж, словно вестминстерские школьники – на блины в последний день Масленицы, с той только разницей, что здесь каждый стремится ухватить добычу поменьше: победителем в этой схватке оказывается тот, кто выбирается из кучи-малы с пачкой газет, ковриком, надувной подушкой или небольшим атташе-кейсом. В итоге багаж одного пассажира распределяют между собой шестеро, а то и семеро носильщиков, и все громогласно требуют чаевые при погрузке этой поклажи в поезд или такси. Джулиет впала в ступор, увидев, как мы с ее мужем бросились защищать свое имущество при помощи зонта и трости; когда первая атака была отражена и нападавшие поняли, что нас голыми руками не возьмешь, мы сумели распределить весь багаж между двумя претендентами и с достоинством продолжить путь.

Поскольку для полного восстановления сил Джулиет нуждалась в сухом воздухе пустыни и высоком уровне комфорта, мы забронировали номера в «Мена-хаусе». Туда ведет прекрасное скоростное шоссе, но на обочине зачастую приходится видеть разбитую гоночную машину, а то и не одну, так как египтяне, в особенности состоятельные, известны своим безрассудным обращением с любыми механизмами. При транспортировке Джулиет нам попались на глаза следы двух аварий, причем одна из машин вылетела на пару сотен ярдов от шоссе, на огуречные грядки, где двое феллахов недоверчиво разглядывали обломки. К пирамидам подвозят вечно переполненные, тихходные вагончики, которыми практически не пользуются ни европейцы, ни американцы. На конечной остановке пассажиров встречают толпы драгоманов, а также множество предлагаемых напрокат верблюдов и мулов; тут же располагаются греческое кафе, киоск с видовыми открытками, фотоателье, сувенирная лавка, торгующая амулетами в виде скарабеев, и сам отель «Мена-хаус». Это внушительное здание в псевдовосточном стиле окружено прекрасным необъятным парком. До пирамид всего четверть мили ходу; они поражают уже одними своими размерами и славой; это было необыкновенное ощущение – жить вблизи легенды; с ним может посоперничать разве что зрелище принца Уэльского за соседним ресторанным столиком: ты делаешь вид, будто ни сном ни духом не ведаешь о его присутствии, а сам исподтишка поглядываешь: неужели он и вправду здесь? В садах буйствовали сочные зеленые и лиловые покровы всех оттенков. Вокруг здания эти ковры прижимались, будто викторианскими пресс-папье, цветочными клумбами, пестревшими ослепительной яркостью; позади тянулись, насколько хватало глаз, длинные аллеи: окаймленные канавками с проточной водой, они терялись среди цветущих декоративных и плодовых деревьев, источающих neodолимый аромат; тут и там высились изгороди из кактусов и возникал маленький восьмиугольный вольер для птиц; за этой красотой следили бесчисленные садовники в белом, которые отрывались от работы, чтобы поклониться каждому гостю и предложить бутоньерку на лацкан.

³⁷ От *фр.* «pour prendre congé» – «на прощание».

В «Мене» царило оживление, в особенности по выходным. Большинство постояльцев отеля составляли пожилые, степенные господа, но к обеду и пятичасовому чаю кого только сюда не заносило. Во множестве устраивались помпезные индивидуальные туры класса люкс для американцев и для британцев с севера Англии; наезжали австралийцы в бриджах для верховой езды и пробковых шлемах, вооруженные мухобойками из конского волоса; в расписных автомобилях подкатывали весьма элегантные египетские офицеры с ослепительными куртизанками: одна, в ярко-зеленом платье из батика, вела на золотой цепочке ручную обезьяну; зверушка щеголяла в колье из драгоценных камней и, пока хозяйка пила на террасе чай, выкусывала себе из задницы блох. В понедельник Светлой седмицы в отеле устроили, как здесь принято говорить, джимхану³⁸, а это означало, что все цены на один вечер взлетели до небес. В остальном ничего примечательного это событие не принесло. Джентльмены участвовали в скачках на верблюдах; победителем с легкостью вышел сержант-англичанин, поднаторевший в этом деле; охотниц участвовать в таких же скачках для дам не нашлось, зато дамские скачки на ослах принесли успех громогласной семнадцатилетней англичанке; аналогичные скачки для джентльменов пришлось отменить ввиду отсутствия желающих; для арабов были организованы отдельные скачки на верблюдах с явно проплаченным результатом и скачки на ослах, закончившиеся жесткой перебранкой и обменом тумакками. Некий турист-англичанин попытался устроить тотализатор: он взгромоздился на стул и сыпал остротами, но предлагал столь невыгодные условия, что не нашел азартных игроков. Титулованная дама, проживавшая в отеле, вручала победителям призы: верблюжатникам и ослиатникам – денежные средства, а европейцам – кошмарные произведения местных искусников. На следующий вечер назначили бал, но туда тоже пришли считанные единицы, поскольку он совпал по времени с приемом в резиденции посла и никто не желал афишировать, что не был туда приглашен.

Мы с Джеффри развлекали себя плаванием и ездой на верблюдах. Обычно катались мы по два часа, делая большой круг через арабский поселок, а дальше по древней тропе мимо сфинкса и небольших пирамид. На радость клиентам погонщики давали своим животным клички в американском духе: Янкидудл, Хитчикок, Горячая Мама. Не зная, как еще угодить, эти парни даже хватали нас за руки и гадали по линиям ладони, предсказывая обоим несметные богатства, долголетие и плодовитость.

Джеффри с Джулиет и я ходили осматривать памятники древности в сопровождении добродушного старого бедуина по имени Соломон.

Как-то в пятницу Соломон пришел сообщить нам о ритуальных танцах, которые должны исполняться где-то неподалеку; не желаем ли мы посмотреть? Джулиет была слишком слаба, так что Джеффри остался с ней, а я отправился с Соломоном. Мы доехали верхом до самой дальней оконечности плато пирамид, а потом спустились в песчаный карьер, откуда открывается доступ к нескольким гробницам. Оставив своих верблюдов под присмотром какого-то мальчугана, мы протиснулись в одну из пещер. Помещение уже изрядно загромодили арабы: оно представляло собой продолговатую камеру, вырубленную в скальной породе и местами украшенную резными иероглифическими знаками. Экскурсанты жались по стенам и набивались в ниши, предназначенные для саркофагов. Освещение поступало только снаружи: через входной проем струился единственный луч дневного света. Не успели мы войти, как начался танец. Его исполняли юноши под управлением некоего шейха; публика отбивала ритм ладонями и подтягивала песнопениям. Танец был невероятно скучный – ни дать ни взять музыкальное занятие в детском саду. Юноши топали по песчаному полу, хлопали в ладоши и медленно раскачивались. Вскоре я знаками уведомил Соломона, что готов двигаться к выходу, и попытался удалиться как можно деликатнее, дабы не нарушить сей нелепый обряд. Но не успел я дойти до порога, как танец прекратился и вся труппа устремилась наружу, наперебой требуя «бак-

³⁸ *Джимхана* – конноспортивные состязания.

шиш»³⁹. Я задал Соломону вопрос: не поражает ли его то, что они вымогают деньги у неверного за отправление собственного религиозного культа? Тот в некотором смущении ответил, что какое-никакое вознаграждение полагается оставлять шейху. Я спросил, где найти этого шейха.

– Шейх. Моя – шейх, – на бегу закричали танцоры, колотя себя в грудь.

Предводитель не заставил себя долго ждать. Я выгреб из кармана пиастры, и танцоры тут же переключились на этого старца, дергая его за одеяние и шумно требуя свою долю. Взгрозившись на верблюдов, мы пустились в обратный путь. Но даже тогда двое или трое юнцов, не отставая от нас, вопили:

– Бакшиш! Бакшиш! Моя – шейх!

По возвращении я спросил у Соломона:

– Это был настоящий ритуальный танец?

Тот сделал вид, будто не понял.

– Тебе не понравилось?

– Стали бы они исполнять этот танец, если бы ты не привез меня?

И вновь Соломон ответил уклончиво:

– Английские и американские лорды любят танец. Английские лорды всегда доволен.

– Я совсем не доволен, – возразил я.

Соломон вздохнул.

– Олрайт, – сказал он: таков традиционный ответ любого араба при разногласиях с английскими и американскими лордами. – В другой раз танец лучше.

– Другого раза не будет.

– Олрайт, – отвечивал Соломон.

Однажды я без сопровождающего отправился в Саккару, гигантский некрополь, расположенный вниз по течению Нила от «Мены». Там находятся две пирамиды и множество гробниц: одна, с непроизносимым названием «Мастаба Птаххотепа», украшена барельефами. Другая, с погребальной камерой, чье скульптурное убранство еще богаче, называется попросту: «Мастаба Ти»⁴⁰. Выбравшись из этого склепа, я увидел группу из двух или трех десятков неутомимых американцев, которые вышли из экскурсионного автобуса и влачили по песку вслед за драгоманом. Я примкнул к этой экскурсии, чтобы опять спуститься под землю, на сей раз – в бесконечный тоннель, именуемый «Серапеум», который, по словам гида, служил местом захоронения священных быков. Катакомбы эти смахивали на погруженную во мрак станцию метрополитена. Нам выдали свечи, а гид шагал впереди с магниевым факелом. Но все равно укромные закоулки окутывала непроглядная тьма. По обеим сторонам тянулись ряды исполинских гранитных саркофагов; мы торжественным маршем прошли тоннель до конца, и гид вслух считал гробы; их оказалось двадцать четыре – все настолько массивные, что конструкторы грузоподъемного оборудования до сих пор не придумали способа сдвинуть их с места. Почти все американцы считали саркофаги вслух вместе с гидом.

Я понимаю, такое зрелище призвано внушать мысли о глубокой древности: полагается рисовать в своем воображении разрушенные улицы Мемфиса, религиозную процессию, что тянется по дороге сфинксов, оплакивая умершего быка; а если дать волю фантазии, можно даже сочинить романтическую историю из жизни этих увенчанных цветочными гирляндами песнопевцев и сделать мудрый вывод о бренности людских достижений. Но, сдается мне, лучше доверить это Голливуду. Лично я бесконечно вдохновлялся настоящим. Какое утомительное зрелище являла собой наша толпа, бредущая по темной галерее! Впереди араб с белым фальшфейером, а далее, сжимая свечи, – шествие кающихся грешников, всякий сброд, нацелившийся

³⁹ Чаевые (перс.).

⁴⁰ *Мастаба* – древнеегипетская усыпальница в виде усеченной пирамиды, с подземной погребальной камерой.

на самосовершенствование и духовный рост. У одних, искусанных комарами, распухли перекошенные физиономии; другие натерли ноги, хромают и спотыкаются; третьи на последнем издыхании утыкаются носом в пузырек с нюхательной солью; иной чихает от пыли; у этой резь в глазах от солнца; у того рука на перевязи – повреждена неведомо в каких переделках: каждый так или иначе пришиблен, примят оглушительной лавиной знаний. И тем не менее все ковыляют дальше. Один, два, три, четыре... двадцать четыре дохлых быка; не двадцать три, не двадцать пять. Мыслимо ли запомнить число двадцать четыре? А что такого: у тетушки Мейбл в «Луксоре» были апартаменты под таким номером⁴¹.

– Как погибли быки? – вопрошает некто.

– Какой был вопрос? – волнуются остальные.

– Что ответил гид? – желают знать прочие.

– От чего погибли быки?

– Сколько же все это стоило? – интересуется следующий. – Этакую машину за бесценок не построишь.

– В наше время на такое никто не раскошелится.

– Надо же, блажь какая: быкам похороны устраивать...

Ах, леди и джентльмены, вертелось у меня на языке, достопочтенные леди и джентльмены, а не блажь ли – пересекать Атлантический океан, тащиться сюда по жаре, терпеть всяческие неудобства и лишения, выбрасывать такие деньжищи, чтобы увидеть песчаную нору, где три тысячелетия назад чужой народ, чьи мотивы не откроются нам вовек, захоронил туши двадцати четырех быков? Над кем вы потешаетесь, достопочтенные леди и джентльмены, если не над собственной компанией?

Но тут я вспомнил, что влился в эту группу на птичьих правах, и прикусил язык.

А еще я совершил двухдневную автомобильную поездку в Хелуан.

Мы посетили Маср-эль-Аттику, Старый Каир, он же Вавилон, и относящееся к эпохе гонений поселение коптов, размещенное в стенах бывшего древнеримского гарнизона. В этих тесных труппах уместились пять средневековых коптских церквей, одна синагога и элладский православный женский монастырь. С виду здешние христиане очень мало отличаются благочинностью от своих соседей-язычников; единственный отчетливый знак их освобождения от языческих предрассудков состоит в том, что рой местных нищих мужского пола, как зрелых лет, так и юных, сопровождается группой поддержки, состоящей исключительно из женщин, которые в мусульманских кварталах безропотно сидят по домам. Зато немалый интерес представляли церкви, в особенности церковь Абу-Серга⁴², где можно увидеть коринфские колонны, сохранившиеся от древнеримского храма, византийские иконы и алтарную преграду арабской работы. Церковь стоит над пещерой, где Святое семейство (всегда изображаемое как вконец обнищавшее), по преданию, укрывалось во время устроенного царем Иродом избиения младенцев. Дьякон, Беставрос, провел для нас экскурсию. Закончив свои сбивчивые объяснения и получив на чай, он сказал:

– Подождите минута. Я приводить священника.

Он поспешил в ризницу и вывел к нам патриархального вида седобородого старца с большой кичкой жирных седых волос на затылке; тот еще не полностью пробудился от послеобе-

⁴¹ ...у тетушки Мейбл в «Луксоре» были апартаменты под таким номером. – Мейбл Бент (1847–1929) – британская путешественница, писательница и фотограф. Вместе с мужем, археологом и писателем Дж. Т. Бентом (1852–1897), они исследовали отдаленные регионы Восточного Средиземноморья, Малой Азии, Африки и Аравии. Впечатление от десятилетних странствий супруги изложили в трехтомнике «Хроники путешествий». ОТЕЛЬ «ЛУКСОР» был построен туристической компанией «Томас Кук и сыновья» (1877), специально для размещения своих туристических групп на берегу Нила.

⁴² Церковь Абу-Серга (известная также как церковь Святых Сергия и Вакха, церковь Святого Семейства) – одна из древнейших коптских церквей в Египте.

денного сна. Это и был священник; поморгав, он осенил нас крестным знамением и протянул руку за мздой, а затем, подобрав рясу, опустил в карман свои два пиастра и пошел обратно. У входа в ризницу он остановился со словами:

– Иду приводить епископа.

Не прошло и минуты, как он вернулся с еще более почтенным персонажем, который лулгал семечки. Понтифик осенил нас крестным знамением и протянул руку за мздой. Я дал ему два пиастра. Он помотал головой.

– Это же епископ, – пояснил Беставрос, – епископу – три пиастра.

Я добавил еще один пиастр, и епископ, просияв, удалился. Тогда Беставрос продал мне экземпляр написанной им самим истории этой церкви. Текст оказался столь лапидарным, что его, с моей точки зрения, можно привести здесь целиком, с сохранением орфографии и пунктуации печатного подлинника.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ЦЕРКВИ АБУ-САРГА,
написал
МЕССИХА БЕСТАВРОС,
СЛУЖИТЕЛЬ ЦЕРКВИ АБУ САРГА

Данная церковь была построена в 1171 году н. э. человеком по имени Ханна Эль-Аббах секретарь Султана Салах-Эль-Дина Эль-Айюби.

Церковь содержит 11 мраморных колонн каждая содержит потрет одного апостола и так же одну гранитную колонну без капитэля, без потрета или креста Иуды который предал Господа нашего.

Олтарь для святого пречастия содержит 7 мазоичных ступеньки (7 епископских санов). Олтарная преграда сделана из резных слоновых костей. К северу от ней были два красивых панеля резного дерева: один панель отображал секретную вечерю, а другой Вефлем. На северном их боку есть Святой Деметрий, Святой Георгес и Святой Теодор.

Крипта была вырублена в монолитной скале 30 года до н. э. Крипта служила только укрытием для страников. Когда Святое Семейство переехало из Ерсалима в Египет укрытса от царя Ирода, они нашли эту крипту где они и оставались до самой смерти Царя Ирода.

Когда Святой Марк начал проповедовать в Александрии в 42 г. н. э., мы, потомки Фараонов принявшие учение Христа, использовали эту крипту как храм на срок 900 лет пока на верху не построили данную церковь. С другой стороны крипты можно видеть купель в котором крестят христианских младенцев путем 3-кратного погружения воду. Данная церковь содержит много Бизантийских картин 9–10 веков.

Месиха
Беставрос,
ДИАКОН

В Порт-Саиде я поднялся на борт судна «Ранчи», принадлежавшего Восточно-Пиренейской пароходной компании, чтобы отправиться на Мальту. На выезде из Египта путешественник сталкивается с заключительным проявлением местной алчности: от него требуют уплаты «карантинного сбора». Похоже, никто не способен толком объяснить, что это за пошлина, каким государственным органом она установлена, какая доля этих поборов когда-либо поступала в казну и при чем тут «карантин». Многие уроженцы здешних мест утверждают, что это всего лишь маленькие шалости портовых властей, не имеющих никакого законного права на эти средства.

По протекции местного агента мне удалось получить койку в каюте второго класса. Жители Порт-Саида рассказывали: «После войны во втором классе появилось множество первоклассных пассажиров. Не чета тем, что путешествуют первым классом, особенно на индийских пароходах – там в первом классе сплошь нувориши. Вот увидите: в зарубежных рейсах на „Ранчи“ второй класс ничуть не хуже первого. Моя жена, возвращаясь домой, всегда берет второй класс».

Но мною двигало не столько тяготение к приличному обществу, сколько желание сэкономить. После излишеств в «Мена-хаусе» я начал считать деньги и разработал хитроумную схему. Перед отъездом из Каира я написал – на фирменных бланках порт-саидского Юнион-клуба – двум извечным, насколько мне было известно, конкурентам: управляющим крупнейших отелей в Валетте, «Великобритания» и «Осборн», в каждый конверт вложил рекламную издательскую листовку с хвалебными отзывами прессы о моем последнем романе и каждому адресату сообщил, что по возвращении в Англию планирую опубликовать свои путевые заметки, а мне доводилось слышать, что именно этот отель – лучший на острове. Не желает ли господин управляющий предоставить мне бесплатный номер на время моего пребывания на Мальте в обмен на благосклонный книжный отзыв о вверенном ему отеле? Дождаться ответов до отплытия из Порт-Саида я не рассчитывал, но поднялся на борт с надеждой, что в Валетте смогу приостановить неумолимый отток средств, который преследовал меня вот уже два месяца.

Судя по объявлениям, «Ранчи» отплывал где-то в воскресенье и ожидался прибытием сразу после полудня. В воскресенье утром объявили, что пароход прибудет только в девять вечера. По факту это произошло далеко за полночь; на стоянку отводилось ровно два часа. В течение этих двух часов весь город, который, по обыкновению, страдал от последствий субботнего вечера, проведенного в «Казино», внезапно пробудился к жизни. Открыл свои двери универсам «Симон Арцт»; во всех кафе зажигали свет и протирали столы; на улицы высыпали чистильщики обуви и торговцы открытками; те пассажиры, которые оставались на борту во время перехода через канал, спустились по трапу и разъезжали по городу в двухконных экипажах, а те, кто сошли в Адене ради нескольких часов в Каире и до вечера томились на причале, панически боясь опоздать на посадку, брали судно на абордаж и разбегались по своим каютам, тогда как добрая половина жителей Порт-Саида проворачивала на борту разного рода сделки. Я шел по пристани в толчее, какая бывает разве что в лондонском Сити, да и то в полдень. Внезапная уличная иллюминация и повсеместное оживление выглядели совершенно нереальными. Поднявшись по трапу, я сориентировался, нашел своего стюарда, избавился от багажа и ненадолго вышел на палубу. Пассажиры, совершавшие бросок по маршруту Суэц – Каир – Порт-Саид, пили кофе, жевали сэндвичи и делились впечатлениями о пирамидах и гостинице «Шепард».

– Два фунта десять пенсов за односпальную кровать в каюте без ванной и туалета. Уму непостижимо! – рассказывал кто-то с нескрываемой гордостью.

– А мы на верблюдах катались – вы бы на меня посмотрели! А я и говорю: вот бы Кейти посмеялась. А погонщик верблюдов погадал мне по руке, а потом мы пили кофе, сваренный прямо в храме сфинкса. Какая *жалость*, что вы с нами не поехали! Ну да, слегка утомительно, не спорю, но у нас в рейсе будет масса времени для отдыха. Кстати, там был прелестный мальчуган, который обмахнул нас обувью. И еще мы заходили в мечеть, где как раз молились мусульмане... так необычно. И вообразите: в «Шепарде» с нас содрали пятнадцать пиастров – больше трех шиллингов – за чашку утреннего чая, причем далеко не лучшего сорта. Какая *жалость*, что тебя с нами не было, Кейти!

Не дожидаясь отхода, я спустился к себе в каюту, чтобы лечь в постель. Мой сосед, приветливый инженер-строитель средних лет, уже раздевался; на нем было нижнее белье типа борцовского трико. Один раз я проснулся при пуске судовых двигателей, потом задремал, вновь

проснулся, когда мы вышли за пределы оградительных сооружений и началась качка, но в конце концов провалился в сон и открыл глаза уже наутро, в открытом море, и тут же оказался среди сотни англичан, которые брились и при этом насвистывали.

В течение следующих двух суток нас ожидала пасмурная штормовая погода. Я десять раз пожалел, что не купил билет в первый класс. И не потому, что мои попутчики оказались не столь приятными людьми, какими расписывали их в Порт-Саиде, а потому, что их было слишком много. Там буквально негде было приткнуться. Салон и курительная комната, хорошо вентилируемые, чистые, комфортабельные, уютные и так далее, вечно были переполнены. На палубах шезлонги доставались только тем пассажирам, которые везли их с собой; немногочисленные общедоступные скамьи постоянно оккупировали мамы, которые при помощи вазелина проделывали какие-то жуткие манипуляции над своими младенцами. На единственной прогулочной палубе не удавалось даже толком размять ноги из-за тесноты и скученности. От детей просто не было спасения. В Индии начиналось жаркое время года, и офицерские жены массово вывозили своих отпрысков в Англию; лучше всех были те, которые орали, лежа в колясках; хуже всех – те, что валялись прямо на палубе в собственной рвоте. Этим последним, кстати, приводили в ресторан к завтраку и к обеду и пичкали едой. Вечерами, около шести часов, наступал крошечный ад, когда с палубы первого класса к нам в салон спускался оркестр, чтобы исполнить нечто из Гилберта и Салливана⁴³; это нашествие тютелька в тютельку совпадало по времени с купанием старших детишек; смесь мыла и морской воды – одна из наиболее отвратительных примет морского путешествия: пышущее здоровьем потомство сагибов и мемсаиб в знак протеста вопило так, что стальные балки и фанерные переборки отзывались эхом. Для того, кто ценит тишину, не оставалось уголка ни внизу, ни наверху.

Основной контингент пассажиров составляли отбывающие в отпуск военнослужащие и их жены, среди которых затесались немногочисленная челядь пассажиров первого класса, несколько священнослужителей и три-четыре монахини. Обслуга на протяжении всего рейса ходила в аккуратных синих костюмах, но военные проявляли удивительный снобизм. В дневное время они, чисто выбритые и тщательно причесанные, демонстрировали полную свободу в выборе одежды, выходя на люди то в шортах цвета хаки и теннисках с расстегнутым воротом, то в линялых крикетных джемперах. Но к ужину все как по команде облачались в смокинги и крахмальные сорочки. Один из них сказал мне, что всегда путешествует вторым классом, чтобы не ломать голову насчет гардероба, но во всем знает меру. По другую сторону социального барьера мы видели шикарно одетых пассажиров первого класса – в белых брюках из шерстяной фланели и коричневых туфлях из кожи нескольких оттенков. Один молодой человек спешил вернуться домой к всеобщим выборам, так как рассчитывал на мандат от партии консерваторов. Этот юноша то и дело перемахивал через ограждение, чтобы выпить со мной по коктейлю и рассказать о прелестных молоденьких пассажирках первого класса, с которыми он танцевал и играл в палубные кольца. Угощать его коктейлями было накладно. Иногда он едва ли не силком пытался вынудить меня перейти на его территорию, полюбоваться на хорошеньких пассажирок и выпить с ним по коктейлю.

– Дружище, – приговаривал он, – пока ты со мной, никто не посмеет тебе и слова сказать. Пусть только попробуют – я живо улажу этот вопрос с капитаном.

Но я ограничивался тем баром, который был мне доступен. Через некоторое время этот юноша, чтобы только поразить девушек из первого класса, поднялся на шлюпочную палубу и залез на одну из шлюпбалок. Об этой выходке доложили капитану, и тот устроил моему знакомцу серьезный разнос. На судах Восточно-Пиренейского пароходства витает дух привилегии-

⁴³ Гилберт и Салливан – театральный дуэт либреттиста Уильяма Гилберта (1836–1911) и композитора Артура Салливана (1842–1900), специализировавшийся в жанре комической оперы.

рованной частной школы. Тот молодой человек с треском провалился на выборах и тем самым, как я считаю, свел почти к нулю и без того скудное представительство консерваторов.

На третьи сутки пути, перед обедом, нашему взору предстала Мальта. Со швартовкой возникли некоторые сложности, так как у одного из пассажиров обнаружили ветрянку. Не считая меня, сойти на острове должен был только один пассажир. Нам велели проследовать в салон первого класса и показаться врачу. Тот чуть язык не сломал, пытаясь произнести мое имя и фамилию. От меня потребовали назвать адрес, где я собираюсь остановиться. Мне оставалось только ответить, что я еще выбираю между двумя отелями. Врач поторопил:

– Будьте любезны определиться прямо сейчас. Мне необходимо заполнить вот этот бланк. Я сказал, что прежде должен переговорить с управляющими.

Врач настаивал:

– Оба отеля хороши, какая вам разница?

– Хотелось бы заселиться бесплатно, – ответил я.

Узрев во мне крайне подозрительного субъекта, он заявил, что в течение всего срока пребывания в Валетте я обязан под угрозой ареста ежедневно отмечаться в Министерстве здравоохранения. В противном случае мною займется полиция. Я заверил, что готов являться добровольно, и он вручил мне карантинный сертификат, который следовало постоянно иметь при себе. Сертификат я посеял тем же вечером, к Министерству здравоохранения не подходил на пушечный выстрел – и больше слухом не слыхивал о каких-либо обязательствах.

Нас пересаживали в портовую шаланду, доставили на берег и отконвоировали на таможенную. Там меня поджидали двое молодых людей – оба приземистые, смуглые, жизнерадостные, оба в лоснящихся английских костюмах и фуражках. У одного на околыше было вышито золотом: «Отель „Осборн“», у другого – «Отель „Великобритания“». Каждый держал в руке дубликат моего письма с просьбой о гостиничном номере. Каждый взял у меня одно место багажа и вручил типографскую карточку. Одна гласила:

ОТЕЛЬ «ОСБОРН»

СТРАДА МЕЦЦОДИ

Все современные усовершенствования. Горячая вода.

Электрическое освещение. Отличная кухня.

ЗДЕСЬ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ ЕГО СВЕТОСТЬ

ПРИНЦ ЛЮДВИГ БАТТЕНБЕРГ И ГЕРЦОГ БРОНТЕ

Другая сообщала:

ОТЕЛЬ «ВЕЛИКОБРИТАНИЯ»

СТРАДА МЕЦЦОДИ

Все современные усовершенствования. Горячая и холодная вода.

Электрическое освещение. Непревзойденная кухня.

Санитарная гигиена.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ОТЕЛЬ

ПОД АНГЛИЙСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

(Последний факт, казалось бы, лучше не афишировать, а скрывать.)

В Каире я слышал, что «Великобритания» на самом деле уровнем выше, а потому сделал знак ее представителю забрать весь мой багаж. Присланный из «Осборна» портье недовольно помахал у меня перед глазами дубликатом письма.

– Фальшивка, – заявил я, ужасаясь собственному вероломству. – Боюсь, вас ввели в заблуждение очевидной фальшивкой.

Портье из «Великобритании» нанял две небольших повозки, к одной подвел меня, а в другую погрузил багаж и уселся сам. У нас над головами трепыхались низкие тенты с бахромой, сильно затруднявшие обзор. Я ощутил долгий, крутой подъем со множеством зигзагов.

За одним из поворотов мне удалось заметить барочную усыпальницу, за другим – неожиданный вид с высоты птичьего полета на оживленную бухту Гранд-Харбор и крепостные стены. Поднимаясь все выше, мы ехали по спирали вдоль широкой улицы с магазинами и внушительными порталами. Оставили позади стайку отталкивающих с виду мальтийских женщин: у каждой был затейливый черный головной убор – гибрид зонтика и вуали, последнее на этом острове свидетельство традиционных пристрастий ордена Святого Иоанна. За очередным витком дорога пошла вниз, и мы, свернув на узкую боковую улочку, подъехали к небольшой веранде из железа и стекла, обставленной в стиле английского салон-бара: обтянутые искусственной кожей кресла, кашпо с аспидистрами на подставках из мореного дуба, столики с металлическими столешницами и столики под плюшевыми скатертями, бронзовая утварь из Бенареса, фотографии в рамках и пепельницы со штампованными изображениями торговых знаков джина и виски разнообразных брендов. Не поймите превратно, это зрелище ничем не напоминало допотопный постоялый двор в заштатном английском городке; оно воплощало собою мой мысленный образ интерьеров тех мини-гостиниц близ вокзала Паддингтон, которые под такими внушительными вывесками, как «Бристоль», «Кларендон», «Эмпайр» и т. д., крепят рекламные щиты «Ночлег и завтрак. 5 шиллингов». Я совсем приуныл, здороваясь с хозяином в этой мещанской обстановке, и ничуть не повеселел, когда покорял этаж за этажом по пути в отведенный мне номер. Впрочем, это первое впечатление не усугубилось больше ничем, так что я, смею надеяться, с честью выполняю свой долг перед владельцем, когда предупреждаю читателей о том, чего им следует ожидать, и призываю не идти на попятную. Тем более что могу с чистой совестью утверждать: «Великобритания» – действительно лучшая гостиница на всем острове. Впоследствии я сходил посмотреть на «Осборн» и понял, что устроился более комфортно, нежели его светлость принц Людвиг Баттенберг и герцог Бронте. Кухня в «Великобритании» оказалась вполне сносной, обслуживающий персонал отличался безотказностью и обаянием. Как-то вечером, устав за день и торопясь на следующую встречу, я заказал ужин в номер. Если в «Мена-хаусе», где тучи слуг сновали вверх-вниз на лифте, ужин приносили за один раз и оставляли под дверью, то в «Великобритании» официант, обслуживающий постояльцев в номерах, каждое блюдо подавал отдельно, причем с улыбкой, хотя всякий раз вынужден был подниматься пешком на третий этаж.

Перед моим отъездом хозяин с некоторым подозрением осведомился, что я собираюсь написать.

У них уже останавливался, причем безвозмездно, сообщил он, один литератор, сотрудник издания «Городская и загородная жизнь», очень хорошо написавший о «Великобритании». Они размножили его статью для распространения.

Владелец вручил экземпляр и мне.

Эта статья, добавил он, сослужила добрую службу гостинице. Он выразил надежду, что и мой отзыв будет максимально приближен к опубликованному.

Статья начиналась так: «Дивная, сочная листва, экзотические небеса, великолепные голубые воды, обилие солнечного света, несущего здоровье и счастье, а также условия для занятий спортом на открытом воздухе, – причем круглый год, – вот лишь несколько причин, по которым Мальта приобрела такую популярность. Колоритные пейзажи, и люди, довершают увлекательный набор самых очаровательных примет, каких только может пожелать пресыщенное сердце». В таком духе, с тем же избытком знаков препинания продолжалась целая газетная колонка; затем шли краткие экскурсии в историю Мальты и описания главных достопримечательностей – еще на одну колонку. Далее следовали дифирамбы гостинице «Великобритания». «Владельцы не останавливались ни перед какими затратами, – говорилось в статье, – чтобы сделать Общественные Помещения максимально комфортабельными... Руководство гордится тем, что питание по уровню качества, кулинарного мастерства и подачи не уступает тем блюдам, которые можно заказать в лондонских гостиницах и отелях... особые усилия прилагаются

к тому, чтобы все спальные места были максимально комфортабельными, из лучших материалов...» – и дальше все в этом роде, еще на полторы колонки. А заканчивалось так: «Все роскошества современной цивилизации нашли воплощение как в здании отеля „Великобритания“, что в городе Валетта на острове Мальта, так и в организации дела, позволяющей гостям наслаждаться радостями здорового и счастливого пребывания среди чудес современного дворца, расположенного в созданных самой Природой декорациях моря, листвы и круглогодичного тепла».

Не хочу состязаться с моим предшественником в излияниях благодарности. Пусть моя признательность выражается более сдержанно – от этого она не становится менее искренней. Повторюсь: возможно, с точки зрения игроков в гольф, «Великобритания» уступает местоположением «Глениглзу», до казино удобнее добираться из «Нормандии», а до торговых центров – из «Крийона»; возможно, «Рюсси» стоит на более живописной площади, в «Кавендише» собирается более остроумное общество, а танцевальные вечера более зажигательны в «Беркли»; возможно, условия для сна лучше в «Мене», а деликатесы – в «Ритце», но самая превосходная гостиница на всем острове – «Отель „Великобритания“» (Мальта, город Валетта); дальнейшие сравнения, похоже, способны только внести путаницу в этот вопрос.

Мое пребывание на Мальте оказалось чересчур коротким. Почти все время посвящалось знакомству с Валеттой при посредстве скромной книжицы Ф. Уэстона «Прогулки по Мальте», купленной за два шиллинга в центральном магазине канцелярских принадлежностей «Критъен»⁴⁴. Поначалу я счел ее несколько дезориентирующей, но вскоре приноворился к авторскому подходу и уже с нею не расставался, оценив не только богатство содержащихся в ней сведений, но и увлекательную бойскаутскую игру, неотделимую от осмотра достопримечательностей. «Свернув направо, ты заметишь...» – в таком стиле мистер Уэстон предваряет свои описания, а затем переходит к подробнейшим, всесторонним комментариям. Как-то раз я с этой книжкой в руках направился в Витториозу, но по ошибке сошел на причал в Сенгли, где и отшагал без малого милю по совершенно другому городу, истово следуя обманным подсказкам: находил взглядом «окна с великолепными старинными карнизами», «частично сохранившиеся геральдические щиты», «примечательные кованые балюстрады» и т. д., пока меня внезапно не отрезвило отсутствие заявленного собора.

Вскоре я стал наводить справки в пароходных компаниях о бронировании места для отъезда из Мальты в любом доступном направлении; мне сказали, что это возможно, только без гарантии. Предпочтение всегда отдается тем, кто заказывает билеты на большое расстояние. Но попытаться все же стоило – вдруг повезет? Мне уже начал действовать на нервы владелец «Великобритании», который в последние двое суток взял привычку выскакивать из своего кабинета, как только я устраивался в кресле со стаканчиком спиртного, и говорить: «Здрасте-здрасте. Как продвигается ваша книжка? Вы, похоже, и остров толком не осмотрели», а затем ободряюще добавлять: «Чтоб изучить его целиком, всей жизни не хватит, вот так-то». Не прошло и недели после моего прибытия, как я стал ощущать легкие признаки клаустрофобии; в таком состоянии я свесился из кавальера форта «Сент-Джон», выходящего на бухту Гранд-Харбор. И увидел внизу, среди рыбацких лодок, сухогрузов, безликих чиновничьих катеров и лихтеров, сверкающее пополнение: большое белое моторное судно, конструкцией напоминавшее яхту, с широкими, чистыми палубами и единственной желтой трубой. Я спустился по канатной дороге к зданию таможни, чтобы осмотреть судно с набережной. Оказалось, это «Стелла поларис», которая совершала свой второй круиз – первый закончился для меня в Порт-Саиде. Пока я стоял у парапета, от ее борта отделился и причалил к набережной моторный катер с норвежским крестом, трепещущим на корме. Вооруженные фотоаппаратами и

⁴⁴ В 1911 г. фотограф Джон Критъен зарегистрировал торговую марку «Критъен» для реализации канцелярских товаров, печатной продукции, периодических изданий и книг.

зонтиками от солнца, на пристань сошли трое или четверо пассажиров. Их сопровождал пассажирский помощник. Я с ним поздоровался. Нет ли у вас свободной койки? Он ответил, что есть. До отправления «Стеллы» оставались еще сутки; за какой-то час я успел распрощаться с «Великобританией», заверил владельца, что наилучшим образом отрекомендую его британской общественности, и переправил свой багаж в гавань. Ближе к вечеру я уже распаковал вещи, сдал в стирку целый ворох одежды, повесил на плечики свои костюмы, аккуратно сложив брюки, и разобрал множество накопившихся бумаг – записи, фотоснимки, письма, путеводители, циркуляры, зарисовки, а также выловил и убил двух блох, которых подцепил в Мандераджо⁴⁵, после чего в полном счастье отправился наверх, чтобы возобновить знакомство с буфетчиком палубного бара.

В рейсе направлением на восток нас ждала однодневная стоянка на Крите. Небольшая гавань Кандия не могла принять «Стеллу», и мы остановились на рейде в бухте, под надежной защитой острова Диа и крутого, выступающего в море мыса у деревни Агия-Пелагия. За укрепленным волноломом, который украшало прекрасное изваяние венецианского льва, стояли разнородные утлые суденышки: маленькая рыболовецкая флотилия, два-три каботажных парусника и донельзя обшарпанные пароходики, курсирующие между Пиреем и островами. На одну из этих посудин грузили партию вина, разлитого в бурдюки из козьих шкур.

В городе есть одна главная улица и разветвленный лабиринт переулков. Сохранились фасад разрушенного венецианского дворца и выщербленный венецианский фонтан с каменными изваяниями львов и дельфинов. Имеется там и мечеть, частично сложенная из капителей и резных фрагментов других венецианских построек. С минарета сбили наверх и устроили в здании кинотеатр, в котором, по удивительному стечению обстоятельств, демонстрировался фильм «Под сенью гарема»⁴⁶. В лавках продавали главным образом оковалки желто-серого мяса, старые наручные часы турецкой работы, комические немецкие открытки и яркие узорчатые отрезы хлопчатобумажных тканей.

В компании своих попугачиков я отправился в музей, чтобы ознакомиться с варварскими обычаями минойской цивилизации.

В полной мере оценить достоинства минойской живописи невозможно, поскольку на огромной площади, доступной для осмотра, всего лишь несколько квадратных дюймов росписей относятся к периоду ранее последнего двадцатилетия, а их авторы при реконструкции обуздывали свой творческий пыл обращением к обложкам журнала «Вог».

Взяв напрокат автомобиль «форд», мы с гидом отправились в Кносос, где перестраивает свой дворец сэр Артур Эванс⁴⁷ (наш гид неизменно называл его «ваш английский лорд Эванс»). В настоящее время готовы лишь несколько комнат и галерей, а остальное представляет собой голый склон, израненный раскопками, но по чертежам, размещенным для нас на главной площадке, мы все же составили некоторое представление о сложности и размахе этого проекта. Если наш английский лорд Эванс когда-нибудь завершит хотя бы часть этого начинания, оно, по-моему, станет воплощением гнетущей безнравственности. Думаю, не одно только воображение вкупе с воспоминаниями о кровавой мифологии способно превращать в нечто устрашающее и патологическое эти сведенные судорогой галереи и кривые проулки, эти колоннады из сходящих на перевернутый конус столбов, эти залы, а по сути – тупики, куда ведут не

⁴⁵ Мандераджо – некогда неблагополучный район Валетты. В романе «Матиас Шандор» Жюль Верн описывал его так: «... в его тесные улочки никогда не заглядывает солнце: в высоких желтоватых стенах домов кое-как пробиты оконца, некоторые из них с решетками. На каждом шагу – лестницы, спускающиеся во дворы, похожие на клоаки; низенькие, заплесневевшие, грязные двери, размытые канавки, темные переходы, даже не заслуживающие названия переулка» (перев. Е. Гунста, О. Моисеенко, Е. Шишмаревой).

⁴⁶ «Под сенью гарема» – кинокартина 1928 г. режиссера Андре Лиабеля.

⁴⁷ Артур Эванс (1851–1941) – английский историк и археолог, первооткрыватель минойской цивилизации, организатор масштабных раскопок Кносского дворца на Крите.

знающие солнца лестницы, этот приземистый куций трон посреди лестничной площадки на пересечении всех дворцовых коридоров – не кресло законотворца и не лежанка для усталого воина: здесь, вероятно, стареющий деспот, съевшись на корточках, улавливал бегущие к нему по стенам галереи шепотов едва слышные провозвестия своего убийства.

Во время моего пребывания случился один занятный казус, который я обнаружил только через некоторое время. На экскурсию в Кносос я взял с собой фотокамеру, но забыл ее в машине, когда мы пошли осматривать развалины дворца. Помню, вечером того же дня меня немного удивило, что счетчик кадров показывает неожиданно большее количество израсходованной пленки. Я отдал кассету на проявку в судовое фотоателье и с изумлением обнаружил снимки, определенно сделанные не мной; опознать удалось только наш экскурсионный «форд» и шофера, слишком уж прямо сидевшего за рулем. По всей вероятности, он сам и подбил на этот розыгрыш кого-то из своих приятелей, и мне подумалось, что это выдает симпатичные черты характера нашего водителя. Этот человек всяко не рассчитывал получить фото на память или хотя бы лицезреть наше удивление, когда раскроется его безобидная проделка. Мне приятно думать, что он пожелал скрепить наши дружеские отношения прочнее, нежели к тому располагала двухчасовая аренда его автомобиля; он захотел подчеркнуть свое индивидуальное существование вне зависимости от бесчисленных и обезличенных ассоциаций туриста. Я уверен: когда мы походя расплачивались с ним за оказанную услугу и возвращались на судно, водитель забавлялся мыслью об ожидавшем нас маленьком сюрпризе. Вероятно, чувства его были сродни тому удовлетворению, какое получают чудаковатые (и, к сожалению, редкие) благодетели, анонимно отправляющие банкноты совершенно незнакомым людям. Окажись его технические таланты под стать его добродушию, я бы поместил его фотопортрет в этой книге, но боюсь, даже лучший из тех снимков, что имеются в моем распоряжении, не упрочил бы его славу.

После ночи на рейде мы снялись с якоря в ранний час, чтобы при свете дня пройти мимо Циклад.

Мы миновали новый остров, недавно поднявшийся из морских глубин, – пока еще безжизненный холм вулканической лавы. Когда остались позади Никсос, Парос и Микнос, мы вышли в Эгейское море и взяли курс на север, к Дарданеллам, при спокойном море, на скорости в пятнадцать узлов.

– Неужели вы не видите квинквиремы⁴⁸? – спросила меня одна американка, когда мы с ней, облокотившись на леер, стояли бок о бок. – Из далекого Офира⁴⁹, – добавила она, – с грузом слоновой кости, сандала, кедрового дерева и сладкого белого вина.

На другое утро мы проснулись уже в Геллеспонте, до полудня прошли залив Сувла и миновали полуостров Галлиполи. Море было бледно-зеленым и мутноватым от холодных вод, поступавших из Черного моря. Мраморное море встретило нас неприветливо – холодными ветрами и свинцовым небом, сквозь которое с трудом пробивались вспышки солнечного света.

На подходе к бухте Золотой Рог в воздухе стало темнеть. Над городом плыл низкий морской туман, который смешивался с дымом из печных труб. Купола и башни виднелись нечетко, но даже сквозь эту мглу открывалась необыкновенная панорама; занимавшееся над горизонтом солнце, прорвавшись сквозь тучи, эффектным жестом щедро выплеснуло золотой свет на минареты Святой Софии. Во всяком случае, мне приятно думать, что это был именно собор Святой Софии. Один из восхитительных моментов первого прибытия в Константинополь морским путем – это попытка распознать сей великий храм по репродукциям, на которых мы воспитывались. Один купол за другим открываются взору по мере нашего приближения к берегу,

⁴⁸ *Квинквирема* – гребной боевой корабль в Карфагене и Древнем Риме с пятью рядами весел с каждого борта, расположенных один над другим.

⁴⁹ *Офир* – загадочная, богатая золотом и драгоценностями страна, упоминаемая в Библии.

и от каждого захватывает дух. Потом, когда перед нами откроется вся неохватная панорама города, за наше узнавание будут соперничать два памятника архитектуры. Более внушительный – мечеть Ахмеда I. Ее отличительный признак, не имеющий аналогов, кроме Каабы в Мекке, – это шестерка минаретов. Но есть и более убедительный способ проявить свою осведомленность – сказать: «Вот (и указать куда-нибудь пальцем) Агья-София».

«Агья» – это слово всегда будет вашим козырем. Более заумный и снобистский вариант – «Айя-София», но бытует он в самых просвещенных кругах, где, по всей видимости, ничего объяснять не нужно; а в обиходе такая форма названия вызовет настороженность – в ней заподозрят банальную орфоэпическую ошибку.

На следующий день мы за неимением времени сразу поспешили на два часа в «Сераль», султанский дворец, ныне преобразованный в общедоступный музей; зрителей набрали в основном из числа бывших монарших евнухов. Среди них был один карлик с забавно сморщенным бесполом личиком, одетый в непомерно длинное черное пальто, которое волочилось по полу и путалось у него в ногах – пару раз он едва не упал. Вопреки моим ожиданиям, среди евнухов не было ни одного рослого толстяка. В трудные времена перед окончательным установлением кемалистского режима⁵⁰ обеспокоенные евнухи устроили массовую акцию протеста против отмены многоженства.

Самая поразительная черта «Серали» – это полное отсутствие комфорта. Чем-то он напоминает выставочный центр «Эрлз-Корт», но включает не одно лишь здание, а большую огороженную территорию, небрежно разбитую на лужайки и рощицы, утыканную киосками и павильонами разных конфигураций и периодов постройки. «Сераль» – это не что иное, как раз-рекламированное стойбище кочевников. Климат в Константинополе далеко не мягкий. Место для города было выбрано по причине выгодного политического и географического положения, но не из-за благоприятных погодных условий. Здесь гуляют холодные степные ветры, нередко выпадает снег. Однако за пять столетий турецкого владычества ни у кого из султанов, при всем их несметном богатстве и неограниченных ресурсах рабочей силы, похоже, и мысли не возникало соединить многочисленные залы главной резиденции хоть каким-нибудь крытым переходом. Их самые смелые представления о повседневной роскоши не простирались дальше возлежания среди аляповатых шелковых подушек и жевания восточных сластей под свист ледяного ветра в кованых решетках, заменяющих потолки. Стоит ли удивляться, что они привычно согревались алкоголем. Вместе с тем собранные во дворцах сокровища поражают воображение. О хозяйствовании в «Серале» можно судить по такому факту: в ходе инспектирования строений, занятых новой властью на ранних этапах, официальные представители кемалистов обнаружили склад, с пола до потолка загроможденный бесценными фарфоровыми изделиями шестнадцатого века в подлинной упаковке, то есть в том виде, в каком они караванами вывозились из Китая. Распаковать фарфор никто не удосужился – он веками покоился в ящиках. Надо думать, челядь не гнушалась хищениями. Но поразительно другое: невероятное количество ценностей, уцелевших, несмотря ни на что, в период разорения правящей династии. Дворцовые кладовые ломятся от необработанных изумрудов и алмазов – это крупные бесформенно-щербатые капли, подобные обкусанным леденцам; дошел до наших дней и трон из чистого золота, изукрашенный драгоценными кабошонами, и еще один трон, инкрустированный вставками из перламутра и черепахового панциря; во множестве сохранились отделанные драгоценными камнями мундштуки, эфесы, часы, портсигары, табакерки, ручные зеркала, щетки, гребни – по двадцать, а то и тридцать изделий каждого наименования, и все поражают своим великолепием; не утрачены дар Екатерины Великой – туалетный столик, сплошь инкру-

⁵⁰ Кемализм – идеология турецкого национализма, выдвинутая Мустафой Кемалем Ататюрком (1881–1953), основателем современного турецкого государства.

стированный розовыми искусственными камнями, и дар Фридриха Великого – другой туалетный столик, декорированный алебастром и янтарем; по сей день существует изысканный японский садик с пагодой из золотой филигрании с эмалью, равно как и модель колесного парохода из красного и белого золота с иллюминаторами-бриллиантами и флажками из рубинов и изумрудов; выставлены для обозрения правая рука и череп Иоанна Крестителя, драгоценные камни для украшения тюрбанов, и драгоценные камни для ношения на цепочке, и драгоценные женские кулоны, и драгоценные камни, используемые как игровые фишки, и те, что можно лениво вертеть в пальцах, перекачивая из ладони в ладонь. Экскурсовод называл округленную стоимость каждого следующего экспоната: «более миллиона долларов». Впрочем, невольно задаешься вопросом: не случилось ли в течение затяжного периода турецкой финансовой несостоятельности каких-либо посягательств на эти сокровища? Ведь кабошон-изумруд или иной драгоценный камень до того легко подковырнуть ногтем и заменить фруктовым леденцом, что невольно думаешь: наверняка время от времени такое проделывают – и кто знает, как часто?

Во время нашей ознакомительной экскурсии непосредственно передо мной шла очень грузная богатая американка; мне выпала честь уловить некоторые из ее реплик. Что бы ни показывал ей гид – фарфор, золото, слоновую кость, бриллиант или янтарь, шелк или ковер, эта счастливица небрежно сообщала, что у нее дома есть точно такая же вещь. «*Надо же*, – говорила она, – кто бы мог подумать, что *это* имеет какую-то ценность. У меня таких три штуки, достались мне от кузины Софи, в каком-то чулане лежат: размерами, конечно, больше, но узор – точь-в-точь. Вернусь – надо будет их откопать. Никогда не усматривала *вот в этом* ничего особенного».

Но при виде правой руки и черепа Иоанна Крестителя она была вынуждена признать свое поражение.

Назавтра, в предзакатный час, мы отплывали.

В тот вечер главной темой разговоров была авария, которая произошла в гавани. Видавший виды паром, курсирующий между Галатой и Скутари, что на другом берегу Босфора, в утреннем тумане налетел на скалы; пассажиров удалось эвакуировать без потерь, но буквально в последний момент. Среди пассажиров «Стеллы» появилось новое лицо: чрезвычайно элегантный грек, который носил галстук Итона и не скрывал своего знакомства с наиболее открытыми представителями английской родовой знати. Во время кораблекрушения он находился на пароме и сообщил нам весьма любопытные детали. Паром заполнили поденщики, ехавшие на работу. При первом же толчке капитан и старпом прыгнули в единственную шлюпку – и были таковы. К вечеру капитан сложил с себя все полномочия, оправдываясь тем, что у него сдали нервы: за полтора года такая авария произошла уже в третий раз. Среди пассажиров, предоставленных самим себе, – на борту были турки, армяне и евреи – началась бешеная паника. Единственный разумный план требовал сидеть не двигаясь и ждать спасения. Однако эта пестрая толпа со стонами заматалась от одного борта к другому, раскачивая судно, – вот-вот соскользнет с острых камней. Застыв от ужаса, мой собеседник вжался в палубную скамью, а вдруг судно перевернется. Тут перед ним оказался приземистый человечек, который, засунув руки в карманы просторного пальто, спокойно разгуливал по палубе с трубкой в зубах. Каждый окинул другого оценивающим взглядом, не обращая внимания на толпы обезумевших, орущих работаг.

– Полагаю, сэр, – проговорил человек с трубкой, – что вы тоже англичанин.

– Нет, – ответил грек, – я всего лишь проклятый иностранец.

– Прошу меня извинить, сэр, – сказал англичанин и отошел к ограждению, решив тонуть в одиночку.

Но к счастью, этого не случилось. От берега отчалили шлюпки, которые успели снять всех пассажиров, пока судно не ушло под воду.

Греку нужно было добраться только до Афин. Почти весь следующий день я провел в его обществе. Он задавал мне наводящие вопросы об «эстетизме» в Оксфорде. Сам он там учился, но сейчас с оттенком сожаления заметил, что в его время никакого «эстетизма» не было в помине. Неужели из-за «эстетизма» Оксфорд так отстает в спорте? Я ответил, что нет: корень зла лежит глубже. Я мог бы открыться своему собрату по Оксфорду, но правда заключалась в том, что университет захлестнула сильнейшая волна наркомании.

– Кокаин?

– Кокаин, – подтвердил я, – и кое-что похуже.

– Неужели профессура не делает попыток этому помешать?

– Милый мой, от профессуры все зло.

В ответ он сказал, что в его время наркомании в университете не было.

Чуть позже натиск возобновился. Не соглашусь ли я спуститься к нему в каюту и немного выпить?

Я ответил, что непременно с ним выпью, но только в баре на палубе.

Тогда он сказал:

– Голубые глаза выдают в вас шотландца. У меня был очень близкий друг-шотландец. Вы с ним чем-то похожи.

Через некоторое время он вновь предложил мне пройти к нему в каюту – полюбоваться серебряной чернильницей турецкой работы. Я отказался, но заверил, что на палубе охотно взгляну на его покупку. Наибезобразнейшая оказалась вещица.

Перед тем как распрощаться, новый знакомый пригласил меня на ланч в «Гранд-Бретань». Я ответил согласием, но на следующий день он не объявился.

Прибыли мы как раз перед ужином и встали на якорь в Фалерской бухте.

До этого я видел Афины только один раз: тогда судьба впервые занесла меня из Англии дальше Парижа. Нелегко выбросить из памяти захлестнувшие меня романтические чувства. Я совершил вояж из Марселя на пароходе «Париж II» – это было относительно новое греческое судно. Стояла зима, и почти все время нас преследовала штормовая погода. Я оказался в одной каюте с греком – торговцем смородиной: тот все пять дней рейса пролежал в койке. Кроме него, единственным англоговорящим пассажиром первого класса оказался шумный американец, инженер по профессии. Страдая морской болезнью, я в основном сидел на палубе за чтением книги Уильяма Джемса «Многообразие религиозного опыта»⁵¹ и прерывался лишь для того, чтобы глотнуть крепкой мастихи за компанию с американцем. Кто хоть раз попробовал мастиху, приговаривал мой собутыльник, тот непременно вернется в Грецию. Изредка я ходил посмотреть, чем занимаются «палубные пассажиры»: они теснились в импровизированных палатках, чесали подошвы и безостановочно ели. Первая стоянка была в Пирее. Солнце уже зашло, и порт встретил нас полной иллюминацией. Швартовка сильно задерживалась. Вокруг сновали гребные суденышки, причем в таком количестве, что по ним можно было дойти до берега, как посуху; лодочники громогласно зазывали клиентов. Друзья, пригласившие меня погостить, ожидали где-то внизу, подпрыгивали на волнах и, запрокинув головы, звали: «Ивлин!» Они взяли с собой своего камердинера, чтобы тот занялся багажом; при старом режиме этот поразительно свирепого вида человек был наемным убийцей в Константинополе. На пару с лодочником он подхватил зов и стал горланить: «ИИ-лин! ИИ-лин!»

Потом мои чемоданы ошибочно погрузили не в ту лодку; лодочник не пожелал отдавать их без боя; между ним и камердинером завязалась драка, в которой камердинер с легкостью одержал верх за счет подлого, но вполне убедительного запрещенного удара. В конце концов мы ступили на твердую землю и помчались из Пирея в Афины по изрытой и выщербленной,

⁵¹ Главный труд знаменитого американского философа и психолога, одного из основателей психологии религии Уильяма Джемса/Джеймса (1842–1910), написанный в 1902 г.

как после бомбежки, дороге в дребезжащем «моррисе», который, не имея ни фонарей, ни тормозов, ни клаксона, был надежно защищен от полицейского произвола благодаря дипломатическим номерам и маленьким британским флажкам, прикрывавшим те места, где следовало находиться передним фарам.

В ту ночь наступило православное Рождество, и на улицы высыпала масса народу: все обменивались рукопожатиями, целовались и запускали фейерверки в глаза друг другу. Мы направились напрямик в ночной клуб, где заправлял одноногий мальтиец, который угощал нас коктейлями из наркотиков и какого-то алкоголя собственной выгонки.

Потом в зал вышла танцовщица – звезда местного кабаре; подсев к нам за столик, она предупредила, чтобы мы ни в коем случае не прикасались к этим коктейлям. Но было уже поздно.

После этого я некоторое время кружил по городу на такси – у меня возникло неотложное дело, уже не припомню какое, а затем вернулся в ночной клуб. Таксист шел за мной до нашего столика. Я заплатил ему более десяти фунтов в пересчете на драхмы, а в качестве чаевых вручил свои часы, перчатки и футляр для очков. Водитель даже запротестовал: многовато будет.

Это первое знакомство с афинской жизнью заслонило собой остальные дни моего визита. В ту пору я был еще студентом и теперь, вспоминая ту поездку, беспричинно ощущаю себя стариком.

Но даже сейчас, в относительно зрелом возрасте, мой приезд в Афины, уже второй, ознаменовался приобщением к новому напитку. Оказавшись на месте, я первым делом взял такси и поехал в город навестить одного хорошего знакомого по имени Аластер, занимавшего тогда маленький домишко у восточной окраины, под склонами Ликавитоса, в переулке, отходящем от площади Колонаки. В этом жилище было не повернуться от заводных поющих птичек и православных икон, одна из которых – как ни странно, самая современная – обладала чудодейственными свойствами. Обнаружил это слуга: якобы один из образцов имел обыкновение протягивать руку и бить его по голове, чтобы не ленился. Аластер был еще не одет. Я признался, что очень поздно лег, так как после бала выпивал с приятнейшими норвежцами и теперь слегка разбит. Тогда-то он и приготовил для меня этот напиток, который я могу рекомендовать каждому, кто хочет опохмелиться без вреда для здоровья при помощи доступных средств. Мой приятель взял большую таблетку сахарозы (допускается замена обычным кусковым сахаром), обмакнул в горький ликер «Ангостура» и обвалял в кайенском перце. То, что получилось, он опустил в высокий бокал и наполнил его шампанским. Достоинства этого напитка не поддаются описанию. Сахар и «Ангостура» обогащают вкус спиртного и нейтрализуют кислинку, которая делает тошнотворным любое шампанское, особенно по утрам. Каждый пузырек, всплывающий на поверхность, несет с собой красную крошку перца, что мгновенно стимулирует и тут же утоляет аппетит, дарует жар и холод, огонь и жидкость, нормализует вкусовые рецепторы и высвобождает ощущения. Потягивая этот почти невыносимо желанный напиток, я забавлялся искусственными птичками и музыкальными шкатулками, пока Аластер приводил себя в порядок. В Афинах у меня был еще один приятель, Марк, и с этими двумя людьми я замечательно провел два дня.

Мы ехали по шоссе на Элевсин, время от времени подвергаясь нападению свирепых овчарок, а потом свернули на грунтовой тракт у подножья горы Эгалеос и остановились возле уединенного кафе, выходящего окнами на Саламин. Воскресный день клонился к вечеру, и под гавайским тростниковым навесом сидело еще несколько компаний. Фотограф изготавливал ферротипы, на которых после проявки был обычно виден только отпечаток большого пальца. За одним из столиков сидели студенческого вида парень и девушка, оба в футбольных трусах и рубашках с открытым воротом; рядом лежали котомки и массивные посохи. Была там и очень счастливая семейная пара афинских буржуа. С младенцем. Вначале родители усадили его на стол, потом на крышу своего авто, потом перевернули вверх тормашками на стуле, потом

водрузили на крышу кафе, потом посадили верхом на бельевую веревку и стали бережно покачивать туда-сюда, затем поместили в бадью и опустили неглубоко в колодец, скрыв от посторонних глаз, после чего дали ему бутылку газированного напитка – в Афинах этот лимонад еще более вреден, чем в любом другом городе мира. На все усилия, прилагаемые к его развлечению, дитя отвечало щебетом радостного смеха и большими пенными пузырями, стекавшими по подбородку. Возле кафе стоял лимузин с двумя молодыми светскими львицами, которые даже не выходили на свежий воздух, но сидели на бархатных чехлах, откинувшись назад, так что их было почти не видно, и принимали ухаживания двух юных офицеров: время от времени опускалось оконное стекло и появлялись унизанные кольцами пальчики, чтобы презрительно выкинуть серебристую оберточную фольгу или кожуру банана.

Мы с Марком и Аластером устроились в тени с графином смолистого белого вина и тарелкой рахат-лукума; перед нами скакал фотограф с камерой; он вынудил нас приобрести такое количество отпечатков его большого пальца, которое позволяло вменить ему любое противоправное действие, предусмотренное греческим законодательством.

Поужинав на борту «Стеллы», мы вернулись к знакомству с ночной жизнью Афин. Для начала зашли в подвальчик, украшенный псевдорусскими фресками. В этом кафе мы увидели весь цвет английской диаспоры, которая преуспела в тех яростных интригах, отчасти светских, отчасти политических, отчасти личных, которые украшают и обогащают афинскую жизнь в большей степени, чем жизнь любой другой европейской столицы. Но развлекательная программа ограничивалась выступлением одного-единственного пианиста в грузинском народном костюме. Мы спросили, стоит ли ожидать кабаре.

– Увы, – ответила нам управляющая. – Сегодня – нет. Вчера вечером здесь был немецкий господин, который покусал всех девушек за ноги, да так жестоко, что сегодня они отказываются танцевать!

Оттуда мы перешли в «Фоли-Бержер» – шикарное и очень парижское заведение; официант всячески подбивал нас заказать шампанское, а молодая еврейка родом из Венгрии исполняла восточные танцы в костюме, который подошел бы для сцены невольничьего рынка в мюзикле о сорока разбойниках, если бы не целомудренное розовое трико. Вскоре Марк откровенно заскучал, так что мы попросили счет, заплатили ровно половину (которая была принята со всяческими излияниями благодарности) и ушли.

Пройдя через парк, мы оказались в самом бедном районе города. Из букета афинских запахов наиболее характерны, пожалуй, два: чесночный дух, убийственно резкий, как ацетилен, и запах пыли, мягкий, согревающий и ласковый, как твид. По парку мы шли сквозь запах пыли, а чеснок встретил нас у ступеней, ведущих с улицы вниз, ко входу в «МΠΑΡ ΘΕΛΛΑΤΟΕ»⁵²; но чеснок был одобрен ароматом жареной баранины. И впрямь, над открытыми тлеющими углями поджаривались на горизонтальных вертелах два ягненка. В зале царила торжественная диккенсовская атмосфера. Присутствовали только мужчины, главным образом сельские жители, вырвавшиеся в город на ночную гулянку. Нас встретили улыбками и приветствиями, а кто-то один даже прислал нашему столу три кружки пива. С этого момента начался непрерывный обмен традиционными здравицами, который продолжался вплоть до нашего ухода и далее. У греков есть похвальный обычай: подавать спиртное только с закуской, хотя бы с кружком чесночной колбасы или с насаженными на спички ломтиками ветчины не первой свежести; закуски приносят на маленьких блюдечках, и наш стол уже ломился от их количества.

В углу двое мужчин играли на каких-то музыкальных инструментах, похожих на гитары, а остальные танцевали, причем со свирепыми лицами и без малейшей застенчивости. Они исполняли греческие военные танцы, дошедшие до наших дней из глубокой древности. Тан-

⁵² «Бар „Феллатос“» (гр.).

цевали четверками, с великой серьезностью откалывая нужные коленца. Неверное движение было равносильно потере мяча в крикете; виновник в лучших, по здешним меркам, спортивных традициях приносил команде свои извинения, которые, естественно, принимались, хотя выбросить из головы или когда-нибудь искупить столь вопиющий промах мог только гений безупречной точности. Более того, здесь, как и в крикете, ревностно соблюдался любительский статус. В отличие от тех, кто после выступления обходит публику с шапкой в руке, эти танцоры сами платили несколько мелких монет музыкантам. Желающим исполнить танец предстояло выдержать нешуточную конкуренцию; четверки составлялись заранее и томились в ожидании своего выхода. В тот вечер вспыхнула единственная драка: ее спровоцировал сильно подвыпивший парень, пытавшийся пролезть без очереди. Присутствующие возмутились и в назидание задали ему трепку, но вскоре инцидент был исчерпан и все выпили за здоровье дебошира.

С течением вечера беседа становилась все более оживленной. Я не имел возможности следить за ее ходом, но Аластер объяснил, что дело упирается главным образом в политику: дискуссия бессистемна, но с накалом чувств. Больше других горячился пожилой человек с курчавой седой бородой. Он рычал и бил кулаком по столу, принялся стучать пивной кружкой – кружка разлетелась вдребезги, старик порезался, умолк и заплакал. Все остальные тоже умолкли и окружили старика, чтобы утешить. Руку ему перевязали засаленным носовым платком, хотя рана, с моей точки зрения, была пустяковой. Перед ним оказалось пиво с ломтиками тухловатой ветчины на спичках; его гладили по спине, обнимали за шею, целовали. Вскоре он заулыбался, и дискуссия возобновилась, но как только у старика проявились первые признаки возбуждения, его согрели улыбками, а кружку отодвинули подальше.

В конце концов, после долгих прощаний, мы поднялись по ступенькам, вышли на свежий воздух и направились к дому под сенью все тех же апельсиновых деревьев, сквозь теплый мрак с запахом твида.

Наутро Аластеру предстояло ехать в посольскую канцелярию, где он декодировал шифровки, а мы с Марком отправились в Сапожные Ряды – так зовется улица в старом турецком квартале, где держат прилавки торговцы антиквариатом. Марк продолжил некие переговоры, которые, по его словам, тянулись уже три недели и касались приобретения грота, сработанного из пробки, зеркала и клочков губки анатолийскими беженцами; а я приглядел мраморную фигурку европейского футболиста, но меня остановила цена.

В полдень «Стелла» отплывала в Венецию, и я едва не опоздал на последний катер, отходивший от берега: меня задержал Марк, надумавший сделать мне подарок – три религиозных открытки, воздушный шар и корзину оливок.

Сразу после ланча мы прошли Коринфский канал, который по непонятной для меня причине вызывал у многих пассажиров больше интереса, чем любые другие достопримечательности. Проход был долгим, но люди не уходили с палубы, обменивались впечатлениями, делали фотоснимки и акварельные зарисовки безликих каменистых берегов; а я между тем направился к себе в каюту, чтобы вздремнуть: в последние дни я не высыпался, а тут подвернулся случай наверстать упущенное.

На рассвете следующего дня мы достигли Корфу.

Когда я возвращался из своей первой поездки в Грецию (на старой посудине под названием «Иперокееания», где у меня было место в каюте второго класса, что не причиняло мне почти никаких неудобств), нам организовали недолгую стоянку на этом острове, который показался мне одним из красивейших известных мест. Мои впечатления были столь глубоки, что впоследствии я как-то незаметно приступил к роману о некой богатой особе и благодетель-

ствовал героиню виллой на Корфу⁵³, мечтая когда-нибудь разбогатеть и первым делом купить такую же себе.

Самые ходкие товары на острове – это, как мне показалось, живые черепахи и вырезанные из дерева оливы фигурки животных, изготовленные заключенными местной тюрьмы. Некоторые из пассажиров «Стеллы» приобрели черепах, которые в большинстве своем не дожили до конца рейса; черепахи бега стали еще одной забавой в дополнение к палубным играм. Главный недостаток черепах как беговых животных заключается не в медлительности, а в неразвитом чувстве направления. Такая же проблема обнаружилась и у меня, когда в школьные годы я пытался заниматься спортом и неоднократно подвергался дисквалификации за создание помех соперникам.

Я прокатился в конном экипаже по проспекту Императора Вильгельма, обрамленному оливковыми рощами, розовыми и апельсиновыми деревьями, до небольшого, обнесенного балюстрадой помоста, именуемого на старинный манер Пушечным рубежом, или, в эллинизированном варианте, ΣΤΟΠ ΚΑΝΟΝΙ. Это оконечность полуострова, который отходит от города и опоясывает лагуну, получившую название озера Халкиопулу. В прежние времена здесь стояла артиллерийская батарея из одной пушки. Теперь на мысе работает кафе-ресторан. Берег круто спускается к морю; поблизости видны два маленьких острова: один лесистый, на нем стоит вилла, некогда служившая, как мне кажется, монастырем; второй, совсем крошечный, целиком занимают миниатюрная церквушка, два кипариса и дом священника. С пляжа сюда можно дойти по камням. Так я и поступил. На звоннице было два маленьких колокола, а внутри церковки висело несколько почерневших икон и неслась курица. Как по волшебству, с противоположного берега появился священник, сидевший на веслах в лодке, до отказа нагруженной овощами. На корме по-турецки примостился его сын, прижимавший к груди жестяную банку калифорнийских консервированных персиков. Я пожертвовал немного денег на нужды церкви и направился вверх по тропинке в кафе. Мне встретились двое или трое попутчиков со «Стеллы». Я присоединился к ним и отведал бисквитного печенья савоярди, запивая его восхитительным корфуанским вином, которое с виду похоже на сок апельсина-королька, вкусом напоминает сидр и стоит (или должно стоять, если его заказывает не турист) примерно два пенса. Затем к нам вышел оркестр из двух гитаристов и скрипача. Юноша-скрипач оказался незрячим. Музыканты в причудливом стиле исполнили «Yes, Sir, That's My Baby»⁵⁴ и от радости смеялись вслух, когда собирали мзду.

На обратном пути в Монте-Карло мы почти все время шли вдоль берега.

Наверное, у меня из памяти никогда не изгладится вид Этны на восходе: гора со сверкающей вершиной едва виднелась в серовато-пастельной дымке, а потом двоилась, будто отражаясь в струе серого дыма, которая заволокла весь лучившийся розовым светом горизонт, постепенно переходивший в серовато-пастельное небо. Ни одно из творений Искусства или Природы не производило на меня столь гнетущего впечатления.

Монте-Карло словно вымер: спортивный клуб не работал; русский балет свернул выступления и отбыл в Лондон на свой последний сезон⁵⁵; модные магазины либо уже закрылись, либо объявляли о конце рождественских распродаж; отели и виллы в большинстве своем забрали окна ставнями; прогулки по променадам затруднялись инвалидными креслами, в которых передвигались немногочисленные больные; гастролы Рекса Эванса⁵⁶ завершились. А я, бес-

⁵³ ...приступил к роману о некоей богатой особе и облагодетельствовал героиню виллой на Корфу... – Речь идет о первом опубликованном И. Во романе «Упадок и разрушение» (1928).

⁵⁴ Музыканты в причудливом стиле исполнили «Yes, Sir, That's My Baby»... – Популярная в США в 1920-е гг. песня, музыка Уолтера Дональдсона, слова Гаса Кана.

⁵⁵ ...русский балет свернул выступления и отбыл в Лондон на свой последний сезон... – Гастролы русского балета в Лондоне организовывались с 1909 по 1929 г., сначала под названием «Русские сезоны», а затем как «Русский балет Дягилева».

⁵⁶ Рекс Эванс (1903–1969) – голливудский киноактер британского происхождения.

цельно шатаясь по этим умиротворенным, солнечным улицам или сонно просиживая в тенистом парке «Казино», размышлял, по какой прихоти судьбы богачи с религиозной истовостью соблюдают график своих перемещений: они упрямо стремятся в Монте-Карло среди снежной зимы, поскольку так предписывают советы и календарь, а уезжают как раз в ту пору, когда это место – в противоположность их огромным, неухоженным и несуразным северным городам – становится пригодным для обитания; и по какой прихоти судьбы богачи созданы столь отличными от полевых цветов, которые не ведут строгого учета времени, а радостно вскидывают свои венчики навстречу признакам ранней весны и сбрасывают их почти одновременно с первыми суровыми заморозками.

В День независимости Норвегии «Стелла» расцвела сотнями флажков. За ужином проносились речи, а после состоялся вечер танцев, организованный офицерами и пассажирами-скандинавами. Старпом выступил с патриотической речью на норвежском языке, которую тут же перевел на английский, а затем произнес речь на английском языке во славу Англии, которую тут же перевел на норвежский. Далее последовало мое выступление во славу Норвегии, которое одна из пассажирок перевела на норвежский, после чего сама выступила с речью на английском и норвежском во славу Англии с Норвегией и процитировала Киплинга. Все прошло дивно. Затем мы спустились на одну палубу ниже, где члены экипажа устроили грандиозный фуршет с норвежскими деликатесами, песочными пирожными и шампанским; один моряк, стоя на украшенной флагами трибуне, произносил патриотическую речь. Потом все мы выпили за здоровье друг друга и потанцевали; море было беспокойным. Затем мы поднялись в каюту капитана и вкусили блюдо под названием «гогль-могль», но я точно не знаю, как это пишется. Из яиц, взбитых в плотную пену с сахаром и бренди. Потом мы перешли в каюту к той даме, которая переводила мое выступление, и там продолжили говорить речи – как ни странно, в основном по-французски.

Наутро после Дня независимости я чувствовал себя неважно; как оказалось, мы уже были в Алжир и вся палуба покрылась прилавками, как будто для благотворительного базара. Там продавали ювелирные изделия из ажурной золотой филигрании, бинокли и ковры. Вода в гавани загустела от плавающих отходов; среди них плескались молодые люди, голыми руками поддевая и отбрасывая назад эту дрянь – пустые бутылки, размокшую бумагу, кожуру грейпфрутов, кухонные отходы – и призывали зрителей бросать им монеты.

После обеда я совершил, хотя и не без труда, восхождение на Касбу. С крепости открывается прекрасный вид на город и порт, на весь Алжирский залив; на старинные дома, на узкие, крутые дороги, где бурлит колоритная уличная жизнь, какую можно увидеть в каждом древнем городе, где сохраняются трущобы, недоступные для транспорта; одна улица, расположенная на небольшом уступе, полностью занята притонами разврата: все они весело сверкают яркими красками и черепицей, в каждом дверном проеме, в каждом окне маячат непривлекательные, грузные девицы в аляповатых нарядах. Случись мне приехать сюда прямиком из Англии, такое зрелище могло бы показаться любопытным, но в качестве иллюстрации традиций Востока оно было не столь интересным, как вечерний Каир во время Ураза-байрама, а в качестве примера средневековой застройки – менее колоритным, нежели Мандераджо в Валетте.

Попрошаек и назойливых уличных продавцов товаров и услуг было почти не заметно (стаи вездесущих чистильщиков обуви не в счет), равно как и местных зазывал. Если держаться подальше от портового района, то можно было гулять без помех; зато близ порта приходилось отбиваться от великого множества этих проныр – большей частью пренебрежительных, развязных субъектов с усиками в стиле Чарли Чаплина; из одежды они предпочитали европейский костюм с галстуком-бабочкой и соломенную шляпу-канотье; их ремесло – невыносимо назойливое – требовало набирать группы желающих посмотреть народные танцы – *fêtes*

*Mauresques*⁵⁷. Попавшиеся на их удочку многочисленные пассажиры «Стеллы» возвращались с очень разными оценками этого увеселения. Одни, как могло показаться, увидели благопристойное, вполне традиционное зрелище во двореке средневекового мавританского дома: они описывали народный оркестр, состоящий из ударных и духовых инструментов, и девушек-танцовщиц под вуалями – исполнительниц разных народных плясок; да, несколько однообразно, говорили они, но, судя по всему, ничуть не жалели о потраченном времени. Другую группу, куда входили две англичанки, привели на верхний этаж какого-то притона и усадили вдоль стен тесной каморки. Там они в нарастающем недоумении томились при свете убогой масляной лампы, но в конце концов кто-то рывком раздернул портьеры перед тучной пожилой еврейкой, полностью обнаженной, если не считать каких-то дешевых побрякушек, и та принялась скакать перед публикой, а затем исполнила *danse de ventre*⁵⁸ – все на том же крошечном пятачке, едва отделявшем ее от зрителей. Одна из англичанок вынесла следующий вердикт этому представлению: «Пожалуй, в некотором роде я довольна, что посмотрела, но желания повторить этот опыт у меня, конечно, не возникает». Ее приятельница и вовсе отказалась обсуждать это событие с кем бы то ни было, в каком бы то ни было ракурсе и до конца круиза избегала общества мужчин, с которыми в тот вечер оказалась в одной группе.

Но среди пассажиров нашлась компания, которой не повезло еще больше. Эту пятерку немолодых шотландцев, трех женщин и двоих мужчин, связывали какие-то отношения, но какие именно – мне так и не представилось случая определить. Их вниманием завладел один совсем уж сомнительный зазывала, который взял такси, чтобы отвезти их в Касбу. За поездку он содрал с них двести франков, и пассажиры из вежливости заплатили не торгуясь. Потом этот пройдоха завел их в уличный тупик, трижды постучал в какую-то дверь и разбередил им души, сказав: «Это очень опасно. Пока вы со мной, вам ничто не угрожает, но ни в коем случае не отходите ни на шаг, иначе я за последствия не отвечаю». В дом их впустили поодиночке, взяв по сотне франков с человека. Дверь захлопнулась, и гостей провели в подвал. Сопровождающий настоял, чтобы они заказали кофе, который обошелся им еще по двадцать франков с носа. Не успели они поднести к губам чашки, как прямо за дверью прогремел револьверный выстрел.

– Надо бежать, – скомандовал гид.

Они стремглав бросились на улицу и увидели свое такси, которое по счастливой, как могло показаться, случайности еще не успело отъехать.

– Вероятно, дамы взволнованы этим происшествием. Не желают ли они сделать по глоточку коньяка?

Гид направил такси (поездка обошлась еще в двести франков) к самой заурядной городской кофейне и взял каждому по наперстку *eau-de-vie*⁵⁹. Потом он попросил счет и сказал, что с них по двадцать пять франков плюс чаевые – десять франков.

– Это прямая выгода от моего сопровождения, – объяснил он. – Я сразу приплюсовал чаевые, чтобы вам никто не докучал. А ведь в этом городе полно мошенников, которые не преминули бы воспользоваться вашей неопытностью, окажись вы здесь без меня.

Проводив своих подопечных до причала, он деликатно напомнил, что по вечернему тарифу за его услуги надо заплатить сто франков – ну или сколько не жалко. В замешательстве и суете они вручили ему сто пятьдесят и поздравили друг друга с благополучным исходом.

К их чести надо сказать, что они без утайки поведали всем эту историю – отчасти с досадой, но отчасти и с юмором.

⁵⁷ Мавританские празднества (фр.).

⁵⁸ Танец живота (фр.).

⁵⁹ Живительной влаги (фр.).

– Хотел бы я вернуться и сказать пару ласковых этому барыге, – повторял каждый из мужчин, но, увы, Алжир остался позади.

Во всем мире можно найти скалистые утесы, в которых люди, по собственным заверениям, усматривают сходство с объектами живой природы, такими как головы крестоносцев, собаки, крупный рогатый скот, застывшие старухи и т. д. Бытует мнение, восходящее, насколько мне известно, к Теккерей, что Гибралтарская скала похожа на льва. «Утес этот, – писал Теккерей, – чрезвычайно похож на огромного льва, который улегся между Атлантикой и Средиземным морем для охранения пролива во имя своей британской повелительницы»⁶⁰. Всех пассажиров нашего рейса мгновенно покорила убедительность такого образа, а у меня, должно быть, хромает воображение, поскольку в моих глазах утес этот напоминает гигантский отколотый кусок сыра, и ничто другое.

У трапа дежурил англичанин-полицейский в шлеме, со свистком, дубинкой и макинтошем в скатке. По-моему, такое зрелище обрадовало пассажиров-англичан больше всего другого, что было увидено ими в путешествиях. «Это вселяет в нас покой», – сказала одна из дам.

Бродя по чистейшим улицам, я убеждал себя, что в целом мире не сыщется города, где бы не было интересного уголка. Однако в витринах пока преобладали неказистые кисточки для бритья, потемневшие столовые приборы и предметы непонятного назначения, прихваченные нитками к картонкам; в аптеках продавались английские слабительные средства и патентованные таблетки; газетный киоск торговал трехпенсовой беллетристикой, а также еженедельными газетами по два пенса; ассортимент немногочисленных антикварных лавок составляли, как ни странно, викторианские и эдвардианские безделушки (вероятно, попавшие туда из офицерских вилл), а также мещанские современные вышивки и кованые металлоизделия из Танжера. В табачной лавке курительные трубки фирмы «Данхилл» соседствовали с банками для табака, украшенными полковыми и военно-морскими эмблемами. Я прошел мимо группки моряцких жен, стоявших перед витриной шляпной мастерской: при моем приближении они втянули головы в плечи, как будто я принес с собой миазмы Малаги. Когда в городе «нашествие празднующихся», большинство этих женщин, как я узнал позже, непременно запираются у себя в домах, как жители Хэмпстеда⁶¹ в выходные и праздничные дни.

С глубокой тоской шагая дальше, я заметил плакат-указатель: «К брегам Бралтара →». Решив пройти по стрелке, я нашел второй, аналогичный указатель; в погоне за приключениями пустился на безрадостные поиски сокровищ и по этим ориентирам пересек весь город. Они привели меня к воротам Северного порта и к ухоженному, скромных размеров кладбищу, где похоронены воины, павшие в Трафальгарской битве. Многие могилы с вазонами и красивыми резными надгробьями были оформлены в цветовой гамме веджвудского фарфора⁶². Чуть дальше виднелась площадь для народных гуляний, где устанавливались шатры и навесы – очевидно, для какого-то спортивного праздника. Но все же мне подумалось, что плакаты хотя бы привели меня к единственному мало-мальски сносному месту в Гибралтаре.

Во время нашего посещения Севильи город вечерами освещался праздничной иллюминацией по случаю Иbero-американской выставки.

Выставка эта только что открылась, и многие павильоны были еще не достроены. Впрочем, не следует думать, будто проект разрабатывался второпях или бездумно. Путеводитель

⁶⁰ Цит. по: У. Теккерей. «Путевые заметки от Корнгиля до Каира, через Лиссабон, Афины, Константинополь и Иерусалим» (рус. перев. 1857, переводчик не указан).

⁶¹ Хэмпстед – элитный район Лондона.

⁶² Веджвудский фарфор, выпускающийся с XVIII в., – национальное достояние Великобритании, эталон высочайшего качества в мире керамики. Оттеночная палитра веджвуда разнообразна, однако традиционным цветовым сочетанием принято считать белый с голубым.

«Бедер» тысяча девятьсот тринадцатого года выпуска в разделе «Испания и Португалия» упоминает, что уже в ту пору значительные участки городского парка были отведены под будущее строительство. После швартовки нам раздали яркую рекламную брошюру на английском языке, где отмечалось: «Через пять столетий потомки сегодняшних гостей Выставки воочию увидят те же самые здания, облагороженные минувшими веками, но сохранившие величие линий и внушительность конструкций». Кое-какие здания и впрямь не мешало бы облагородить: сегодня они сильно пестрят яркой, узорчатой кирпичной кладкой и цветными изразцами; пестрота эта, вероятно, несколько избыточна в свете «внушительности конструкций» и академического будущего, которое им предрекают. Однако все, что находилось внутри, было великолепно. Я с наслаждением и без помех посвятил вторую половину дня знакомству с двумя грандиозными художественными галереями. В отличие от многолюдных временных экспозиций в Лондоне, по этим превосходным залам можно бродить в полном одиночестве.

Но такова же была и вся выставка в целом. Туристы пока не навещают сюда в сколько-нибудь заметных количествах, а гражданам Севильи этот проект стоит поперек горла после шестнадцати лет подготовки. Пренебрежение местных жителей усугубилось определенной досадой. Они сочли, что стоимость входных билетов изрядно завышена, да к тому же у города несправедливым путем отнят всеми любимый парк. Организованного бойкота не было, но горожане просто обходили выставку стороной. По рельсам действующего макета железной дороги кружил миниатюрный паровозик, таская за собой пустые вагоны; в городке аттракционов вращалось огромное колесо обозрения – и тоже вхолостую; на американских горках пустые кабины с головокружительной скоростью неслись вниз и закладывали виражи; в безмолвных тирах громоздились невостребованные патроны и нетронутые ярусы бутылочных мишеней; в темное время суток включалась яркая иллюминация – на деревьях вспыхивали электрические лампочки в форме яблок, апельсинов и банановых гроздьев; искусно спрятанные от глаз прожекторы окрашивали газоны в разные цвета; под кувшинками в пруду тоже скрывались лампы подсветки; в воздухе, подобно бесшумным и неистощимым фейерверкам, искрились фонтаны. Даже завсегдатаи Уэмбли сочли бы такую картину захватывающей; но в тот вечер, когда я забрел в парк, там не маячила ни одна другая фигура; у меня возникло такое ощущение, будто я достиг идеала нонконформизма, став единственной на всю Вселенную праведной душой, заслужившей спасение; в раю я оказался один, совсем один. Допускаю, что не очень-то милосердно подчеркивать именно эту особенность выставочного комплекса, поскольку она явно не входила в замыслы организаторов. Ставить ее им в заслугу – все равно что уподобляться одному вежливому художнику, чьи слова я ненароком подслушал в гостях, когда ему устроили экскурсию по бесконечно ухоженным и любовно спланированным садовым аллеям: он не нашел ничего лучшего, как похвалить хозяина за «мягкие, мшистые лужайки». В рекламной брошюре был особенно трогательный абзац, который гласил: «Ввиду ожидаемого наплыва туристов, желающих посетить Выставку, в Севилье построены новые отели, а также два озелененных жилых массива... благодаря своему разнообразию они привлекут в равной степени и миллионеров, и лиц с весьма умеренными доходами... В период работы выставки Севилья одновременно примет 25 000 гостей». Выставка определенно заслуживала и двухсот пятидесяти тысяч посетителей, но я порадовался, что увидел ее такой как есть, до нашествия всех остальных.

В лиссабонской церкви Сан-Роке я подумал: только с изобретением фотографии персептива перестала считаться искусством.

Отплывали мы ближе к ночи. Наутро море встретило нас неприветливо: с берега дул холодный ветер, а когда стемнело и мы зашли в Бискайский залив, началась небольшая качка; многим это причинило серьезный дискомфорт. Во время обеда подавляющее большинство

пассажиров предпочло выйти на палубу и подкрепиться галетами, запивая их четвертинками шампанского. Качка утихла лишь ближе к вечеру, после того как мы обогнули мыс Финистерре.

За пределами Бискайского залива море было спокойным, но мы то и дело попадали в полосы тумана, отчего пароход снижал скорость. Поговаривали, что в следующий порт захода мы прибудем с опозданием на сутки.

Вечером в каюте капитана собралась тесная компания: свободные от вахты офицеры, двое-трое пассажиров-скандинавов и я; мы поднимали тосты за здоровье друг друга и обменивались приглашениями в свои страны. Через некоторое время я вышел с бокалом шампанского из ярко освещенной каюты на темную шлюпочную палубу. Чистое ночное небо было усыпано звездами. Сейчас уже не вспомню, по какой причине, но я метнул свой бокал за борт и смотрел, как он на миг завис в воздухе, будто утратив свою динамику, и был подхвачен ветром, а потом затрепетал и скрылся в морском водовороте. Отчасти этот поступок, породивший новое движение, внезапный, совершенный в полном одиночестве, в темноте, наполнился для меня каким-то труднообъяснимым смыслом и связался с выпренными, неопределенными чувствами, кои вызывает возвращение домой.

И впрямь, возвращение в родные края, даже после очень краткого отсутствия, – это своего рода эмоциональный заряд. Уезжал я глухой зимой, а возвращался на исходе весны, в то самое время года, когда Англия мила сердцу, как никогда.

Стоя на шлюпочной палубе, я вглядывался в очередную полосу тумана. Машинное отделение выполнило команду «Малый вперед», а затем и «Самый малый»; через каждые тридцать секунд жалобно взывал туманный горн.

Через двадцать минут туман вновь рассеялся, и судно, набирая ход, устремилось вперед под звездами.

В ту ночь я не раз просыпался от звуков горна, разрезавших влажный ночной воздух. До чего же обреченными были те звуки – не иначе как предвестники скорой беды; да и то сказать, Фортуна отличается постоянством: эта богиня всегда вершит свои дела справедливо и неотвратимо, дабы очень большое счастье никому не доставалось на очень большой срок.

Часть вторая

Коронация 1930 года

(Из книги «Далекий народ»)

В предрассветный час 19 октября 1930 года лайнер «Азэ-ле-Ридо» уже вошел в порт Джибути, а те двое все еще танцевали. Музыканты несчастного квартета, пропотевшие в плотных смокингах из альпака, давно убрали инструменты в футляры и ретировались в свою душную каюту, затерянную где-то в корабельных недрах. Юнга-аннамец драил палубу, заталкивая в шпигаты размокшие комья серпантина. Двое или трое стюардов снимали декор – флаги расцвечивания и гирлянды разноцветных лампочек. Из пассажиров на палубе задержалась только одна пара: девушка-полукровка, второй класс до Маврикия, и офицер Французского иностранного легиона. Под музыку, доносившуюся из переносного патефона, их ступни медленно скользили по мокрым доскам; танцующие время от времени останавливались и разжимали объятия, чтобы подзавести пружину и перевернуть единственную пластинку.

Минувшие двое суток изнурительной жары не помешали проведению судового *en fête*⁶³. Пассажирам предлагались палубные игры, детишкам – бег наперегонки; за пару франков можно было приобрести лотерейный билет и выиграть какой-нибудь приз из ассортимента судовых магазинов: бутылку вермута, флакон одеколона, жестянку табака, коробку конфет, ветку коралла или узорчатый мундштук из Порт-Саида. Организаторы даже устроили аукцион, выставив на торги фотопортрет маршала д'Эспере⁶⁴ с автографом: этот лот ушел за 900 франков и под бурю оваций был вручен какому-то фотокорреспонденту. Один из пассажиров демонстрировал фильм: на экране, который непрерывно трепало горячим морским ветром, мелькали робкие световые пятна; в полном разгаре была игра «конные скачки», где каждый шаг вперед определяется броском кубика, между игроками заключаются пари, а по поводу результатов разгораются жаркие споры; в палубном баре французские чиновники со своими семьями то и дело заказывали шампанское и угощали других – одной бутылки хватало человек на шесть-восемь. Праздник достиг кульминации в последний вечер, когда состоялся костюмированный ужин, затем концерт и, наконец, бал.

В этих мероприятиях участвовала довольно пестрая публика. За моим столиком сидел владелец третьего по значимости отеля в Мадрасе – рыжеволосый американец, державший путь в Сайгон, где он надеялся открыть торговлю сельскохозяйственной техникой; с цепочки его карманных часов свисали многочисленные масонские знаки отличия, на пальце поблескивало кольцо с вензелем какой-то другой тайной коммерческой организации, в прорези манжет были вдеты запонки Общества пеносудователей⁶⁵, а в петлицу – ротарианская эмблема, колесо⁶⁶. Во множестве присутствовали французские колониальные чиновники с женами и невоспитанными детьми; на судах крупнейшей французской судоходной компании «Messageries

⁶³ Мероприятия (фр.).

⁶⁴ Франше д'Эспере (1856–1942) – представитель высшего военного командования Франции, член Французской академии. На церемонии коронации Хайле Селассие возглавлял делегацию от Франции.

⁶⁵ ...запонки Общества пеносудователей... – Основанный в конце 1920-х гг. орден, занимавшийся сбором пожертвований в пользу детских благотворительных организаций во время веселого времяпрепровождения за кружкой пива. Членам ордена позволялось сдвигать пену не только с кружек соклубников, но и с кружек простых посетителей пабов, если те не возражали. Пара серебряных запонок – отличительный знак «благотворителей», отсутствие которого на общих собраниях каралось штрафом.

⁶⁶ ...ротарианская эмблема, колесо. – Ротари-клуб – нерелигиозная и неполитическая организация представителей делового мира, основанная в США. Эмблема зубчатого колеса символизирует традицию ротарианцев проводить свои собрания в разных местах.

Maritimes»⁶⁷ такие семьи обычно занимают большую часть пассажирского списка, который на сей раз пополнился новобранцами Иностранного легиона, направлявшимися в Индокитай для поддержания порядка. Легионеров разместили в четвертом классе: днем они в небрежных позах сидели на нижней палубе, а по ночам теснились в трюме. Большинство составляли немцы и русские; вечерами, разделившись на небольшие компании, они пели песни. Был у них и свой оркестрик из ударных инструментов и губных гармоник; для участия в заключительном концерте музыканты поднялись в салон первого класса. На раскрашенном барабане читалась надпись: «Mon Jazz»⁶⁸. В Суэцком канале двое легионеров под покровом темноты вылезли из иллюминатора и сбежали. На следующий день их примеру последовал третий. Мы все сидели на палубе, потягивая утренний аперитив, когда раздался всплеск и за кормой возник обритый наголо субъект, который карабкался на берег. Хотя в этот час уже нещадно палило солнце, легионер был без головного убора. Он бросился через дюны прочь от парохода, постепенно замедляя шаг. Когда до него дошло, что за ним никто не гонится, он остановился и обернулся. Судно удалялось. Напоследок мы увидели, как он ковыляет за нами вслед и машет руками. Похоже, этот случай никого не встревожил. Мой каютный стюард ежедневно развлекал меня эпизодами быта обитателей нижней палубы. То двое-трое легионеров устроили драку и были разведены по карцерам, то один китаец ночью сбрендил и пытался покончить с собой, то на борту была совершена кража и так далее. Сдается мне, многое из этого он просто выдумал, чтобы меня позабавить.

Помимо пассажиров, следовавших обычным маршрутом, на борту было человек двадцать таких, как мы, планировавших сойти в Джибути, чтобы оттуда добраться до Абиссинии, где ожидалась коронация императора. Полтора месяца назад его имя – рас Тафари⁶⁹ – было для меня, можно сказать, пустым звуком. В ту пору я гостил в Ирландии, в одном особняке, где стиль шинуазри соперничал с викторианской неоготикой за главенство в георгианских стенах. Расположившись в библиотеке и сверяясь с атласом, мы обсуждали мое предложение о совместной поездке в Китай и Японию. Разговор коснулся других наших путешествий и плавно перешел на Абиссинию. Один из гостей приехал в отпуск из Каира; он неплохо ориентировался в абиссинской политике и знал о предстоящей коронации. Другие сведения поступали из менее надежных источников: якобы абиссинская церковь причислила Понтия Пилата к лику святых, а епископа там посвящают в сан посредством плевков ему на голову; якобы законного наследника престола, скованного кандалами из чистого золота, удерживают в тайном месте где-то в горах, а местный люд питается сырым мясом и медом; найдя в «Готском альманахе»⁷⁰ сведения о правящей династии, мы уверовали, что она ведет свой род от царя Соломона и царицы Савской; мы нашли исторический очерк, начинавшийся словами: «Самые ранние достоверные сведения из истории Абиссинии относятся ко времени воцарения Куша непосредственно после Великого потопа»; из старой энциклопедии почерпнули информацию о том, что «абиссинцы, номинально исповедующие христианство, отличаются прискорбной распущенностью нравов, практикуют многоженство и склонны к алкоголизму, который проник даже в высшие сферы общества и в монастыри». Все, что я узнал, только добавляло романтического ореола этой удивительной стране. Две недели спустя, по возвращении в Лондон, я забронировал билет до

⁶⁷ «Морские сообщения» (фр.).

⁶⁸ «Мой джаз» (фр.).

⁶⁹ *Рас Тафари* – то есть князь Тафари – последний император православной Эфиопии, взошедший на престол в 1930 г. под именем Хайле Селассие I, известный своим противостоянием фашистской агрессии со стороны войск Муссолини, а также отменой рабства в Эфиопии. Незадолго до коронации Хайле Селассие I на Ямайке зародилось религиозное движение, в основу которого легло представление о возвращении Христа на землю в облике чернокожего мужчины. Именно в императоре Эфиопии, с его титульным знаком «Лев Иуды», потомки африканских рабов увидели мессию и в его честь назвали свою религию растафарианством.

⁷⁰ «Готский альманах» – самый авторитетный генеалогический справочник всех державных и высокопоставленных особ Европы; ежегодно издавался с 1763 г. до конца Второй мировой войны в немецком городе Гота.

Джибути. Через пять дней поднялся на борт «Азэ-ле-Ридо» в Марселе, а еще через десять дней, стоя на палубе в одной пижаме, под звуки патефона смотрел поверх голов изнуренной танцующей парочки, как занимается рассвет над низкой береговой линией Французского Сомали.

Мне так или иначе не спалось: челядь египетской делегации усердно перетаскивала хозяйский багаж в коридор и составляла возле моей каюты. Под зычные армейские команды сержанта, который был за главного, и зычные, но совсем не армейские протесты его подчиненных у меня под дверью множились кованые сундуки – один за другим. Трудно было представить, что у пятерых пассажиров может быть такое количество одежды. А после кованых сундуков настал черед огромных ящиков с дарами императору от египетского царя. Их доставили на борт в Порт-Саиде под охраной вооруженного патруля и на протяжении всего рейса стерегли с каким-то показным рвением; у пассажиров их содержимое вызвало самые невероятные домыслы: наше воображение живописало поистине библейские сокровища – ладан, сардоникс, белые кораллы, порфир. На самом же деле, как стало известно позднее, в ящиках перевозили элегантный, хотя и совершенно заурядный мебельный гарнитур для спальни.

На борту было три делегации: французская, голландская и польская; четвертая, японская, уже находилась в Джибути, где ожидала нашего прибытия. В свободное от церемонных представлений и стремительных прогулок по палубам время зарубежные посланники открывали атташе-кейсы с яркими гербами и садились писать, печатать и аннотировать свои приветственные речи.

На первый взгляд видится нечто удивительное в том, что посланники цивилизованного мира внезапно устремились в Абиссинию, причем, насколько я понимаю, больше всех удивлялись сами абиссинцы. После скоропостижной кончины императрицы Заудиту, последовавшей весной того года, ее супруг, рас Гугза, тут же был смещен, а рас Тафари уведомил власти предрежащие о своей готовности занять трон императора Эфиопии, как только позволят приличия, и поспешил обнародовать – для тех немногих держав, которые не отозвали своих дипломатических представителей, – приглашение на торжественные мероприятия. Несколько лет ранее он принял корону негуса; тогда разве что его соседи на несколько дней отложили свои дела, чтобы нанести ему визит, которому предшествовал сдержанный обмен любезностями по телеграфу. Восхождение на императорский престол обещало стать чуть более заметным событием, но отклик мировых держав превзошел все ожидания Эфиопии, вызвав и благодарность, и смущение. Два правительства направили в эту страну членов августейших семейств; Соединенные Штаты Америки прислали некоего джентльмена, поднаторевшего в деле установки электрооборудования; прибыли резиденты-наместники Британского Сомали, Судана и Эритреи, временный поверенный в Адене, маршал Франции, один адмирал, трое авиаторов и группа морских связистов – все в соответствующей форме, согласно чинам. Из государственных средств были выделены значительные суммы на приобретение достойных подарков; немцы привезли фотопортрет генерала фон Гинденбурга⁷¹ с автографом и восемьсот бутылок белого рейнского, греки – бронзовую статуэтку современной работы, итальянцы – аэроплан, британцы – пару изящных скипетров, каждый с надписью, составленной на амхарском наречии, причем почти без ошибок.

Более простодушные из абиссинцев узрели в этом подобающую дань величию Абиссинии: ей выказали уважение правители самых разных стран. Другие, немного более сведущие в международных отношениях, увидели некий заговор против территориальной целостности Абиссинии: не зря же «фаранги»⁷² приехали что-то разнюхивать в здешних землях.

⁷¹ Пауль фон Гинденбург (1847–1934) – немецкий военный и политический деятель. Во время описанных событий занимал должность рейхспрезидента Германии.

⁷² «Фаранги» – то есть «франки» – совокупное наименование европейцев, в первую очередь торговцев, получившее распространение на территории бывшей Персии.

Чтобы найти этому достоверное объяснение, нет нужды углубляться в политическую подоплеку. Аддис-Абеба – не то место, где легко завоевать себе высокую дипломатическую репутацию, а верхушка Форин-офиса не слишком ревностно контролирует деятельность служащих низшего ранга в этих широтах. У кого повернется язык обвинять скромных посланников, если в их донесениях нет-нет да и промелькнут фразы, явно переоценивающие значимость того места, где они отбывают ссылку? Ну разве не в Абиссинии берет свое начало Голубой Нил? Разве нельзя предположить, что эти неизведанные горы таят в себе богатейшие запасы полезных ископаемых? А когда среди унылого течения жизни на огороженной посольской территории с ее весьма непритязательными формами досуга жены дипломатов – бедные родственницы гранд-дам Вашингтона или Рима – увидят перед собой внезапный проблеск, намек на монарший протокол и золотые галуны, на книксены, шампанское и бравых генерал-адъютантов, кто осмелится их упрекнуть, если они внушат своим мужьям, насколько важно обеспечить самую высокую степень особого представительства на таких празднествах?

И стоит ли удивляться, если нации, чрезвычайно далекие от Африки, – «санные поляки»⁷³, светловолосые шведы – решили влиться в эту компанию? И если романтический флер Абиссинии даже меня заставил оторваться от сравнительно разнообразной и вольной жизни, то что говорить о тех, кто видит вокруг себя только серую канцелярскую рутину? Их громоздкие чемоданы с формой перемежались ружейными чехлами, которые доказывали, что эти люди собираются использовать по полной программе все возможности увлекательной поездки, а кое-кто даже оплатил, как мне известно, все дорожные расходы из своего кармана. «Nous avons quatre citoyens ici, mais deux sont juifs»⁷⁴, – объяснил такой человек и показал мне приспособления, с помощью которых собирался пополнить свою и без того обширную коллекцию бабочек.

Светало; танцоры наконец-то расстались и отправились на боковую. От берега отделились баржи, началась загрузка угля. Между пароходом и лихтерами перебросили доски. Одна подломилась, и грузчики-сомалийцы рухнули на уголь с высоты не менее десяти футов. Они поднялись на ноги, и только один, лежа на спине, стонал. Бригадир запустил в него куском угля. Грузчик застонал сильнее и перевернулся лицом вниз; следующий бросок – и тот, еле-еле поднявшись, вернулся к работе. Вокруг парохода плавали мальчишки-сомалийцы, крича, чтобы им бросили деньги. На палубу начали стекаться пассажиры.

Вскоре стал накрапывать дождь.

Никто не мог с уверенностью сказать, в котором часу и каким способом нам удастся попасть в Аддис-Абебу.

Мы с некоторой тревогой ожидали своей очереди на швартовку. Грузчики-кули обреченно сновали по шатким доскам, мальчишки кричали из воды, выпрашивая франки; иные залезали на палубу, дрожали мелкой дрожью и предлагали за небольшую мзду развлечь нас прыжками в воду; всякий раз, когда правительственный катер высаживал на причал очередную делегацию, с берега доносился орудийный залп. Теплый дождь лил не переставая.

Наконец и у нас появилась возможность сойти на берег. В Аддис-Абебу направлялся еще один англичанин, престарелый джентльмен, который планировал посетить дипломатическую миссию в статусе частного лица. На протяжении всего рейса он штудировал устрашающую книжицу по тропической гигиене и делился со мной тревожными сведениями насчет малярии, лихорадки черной воды, холеры и слоновой болезни; вечерами, попыхивая сигарой, он объяснял, что существуют глисты, которые впиваются в подошвы босых ног и прогрызают себе путь во внутренние органы человека, что есть блохи, которые откладывают яйца под ногти на ногах

⁷³ ...«санные поляки»... – Отсылка к «Гамлету» У. Шекспира (акт I, сц. 1): «Когда он яростной атакой / По льду поляков санных разметал» (перев. В. Рапопорта).

⁷⁴ «Нас здесь четверо соотечественников, но двое – охотники» (фр.).

и тем самым способствуют неуклонному развитию паралича, переносчиком которого является спиральный клещ.

Мы с ним сообща доверили свой багаж франкоговорящему портье гостиницы «Отель дез Аркад» и направились к английскому вице-консулу, который сообщил нам, что вечером на самом деле отправляются два поезда, но оба зарезервированы для делегаций, а следующий – только через трое суток, но он зарезервирован для герцога Глостерского; такой же поезд будет еще через трое суток – зарезервированный для князя Удине⁷⁵. Вице-консул не мог гарантировать, что мы доберемся до Аддиса. В соответствующем настроении мы вернулись в «Отель дез Аркад». Наши тропические шлемы размякли, белые пиджаки липли к плечам. Портье объявил, что мне необходимо проехать вместе с ним в таможню. По прибытии нас встретил промокший караульный из местных жителей; с его винтовки стекали дождевые струи. Таможенный инспектор, сообщил он нам, отбыл на прием в Дом правительства. Когда вернется на службу и вернется ли в тот день вообще – трудно сказать. Я указал, что нам требуется забрать свой багаж, чтобы переодеться в сухое. До возвращения инспектора ничего трогать нельзя, отрезал караульный. Тогда портье без лишних церемоний подхватил ближайшие чемоданы и стал грузить их в такси. Караульный запротестовал, но портье не дрогнул. И мы поехали обратно в гостиницу.

Она представляла собой двухэтажное здание с облезлыми оштукатуренными аркадами на фасаде; с задней стороны была деревянная лестница, которая вела к двум широким верандам, куда выходили двери двух или трех имеющихся номеров. Во дворе, где обитала угрюмая черная обезьяна, росло лимонное дерево. Хозяйка, эффектная француженка, излучавшая приветливость, не прониклась нашими заботами. Ей неумелая организация движения на Франко-Эфиопской железной дороге была только на руку, так как по доброй воле в Джибути не задерживается никто.

Этот факт, вполне совпадавший с нашими первыми впечатлениями, сделался еще очевиднее после обеда, когда прекратился дождь и мы устроили себе экскурсию по городу. Нас трясло и качало в конной повозке, которая разбрызгивала грязные лужи, испускавшие пар. Улицы, которые описывались в официальном путеводителе как «нарядные и улыбчивые», представляли собой длинные пустыри с редкими участками застройки. В европейском квартале почти все жилые дома оказались точными копиями нашей гостиницы, с такими же арками и всеми признаками запустения.

– Вид такой, будто все это сейчас рухнет, – заметил мой спутник, когда мы проезжали мимо очередного вконец обветшавшего конторского здания – и у нас на глазах оно действительно стало рушиться.

С фасада посыпались крупные хлопья штукатурки; в грязь шлепнулись один-два кирпича с верхних рядов кладки. На улицу повалили перепуганные служащие-индусы; из дома напротив выскочил грек в рубашке, без пиджака; сидевшие на корточках туземцы выпрямились и, не прекращая ковырять в зубах деревянными палочками, стали настороженно озираться. Наш кучер взволнованно указывал в их сторону кнутом и о чем-то предупреждал нас по-сомалийски. Оказалось, в городе произошло землетрясение, которого мы не заметили в силу особенностей движения повозки.

⁷⁵ ...он зарезервирован для герцога Глостерского; такой же поезд будет еще через трое суток – зарезервированный для князя Удине. – Титул герцога Глостера на момент описываемых событий носил принц Генри (Генри Уильям Фредерик Альберт, 1900–1974), третий сын короля Георга V. Самым же известным обладателем титула был сын герцога Ричарда Йоркского, будущий британский король Ричард III (1452–1485), который взошел на трон после смерти брата и короля Эдуарда IV, обойдя в престолонаследии сыновей покойного монарха. Мальчиков Ричард поместил в Тауэр «для безопасности», однако через некоторое время известия об их судьбе перестали поступать, а за Ричардом закрепилась слава детоубийцы. Князь Удине – Фердинанд Савойский-Генуэзский (1884–1963) – итальянский военачальник, адмирал, политический деятель.

Подпрыгивая на ухабах, мы проехали оштукатуренную мечеть, пересекли верблюжий базар и туземный район. Сомалийцы – необычайно красивая нация: очень стройные, с горделивой осанкой, тонкими чертами лица и прекрасными, широко посаженными глазами. В большинстве своем они расхаживают в узких тряпицах на бедрах и с несколькими спиралями из медной проволоки на запястьях и лодыжках. Волосы у них либо сбриты, либо выкрашены охрой. Нашу повозку осаждали не то восемь, не то девять падших женщин, пока возница не разогнал их кнутом; бесчисленные голые ребятишки топали за нами по грязи, требуя бакшиш. Отдельные красавцы, вооруженные копьями, – приезжие из сельской местности – с презрением плевали нам вслед. На городской окраине хижины – крытые соломой глинобитные кубики – сменились маленькими купольными лачужками, похожими на перевернутые птичьи гнезда, сооруженные из прутьев, травы, ветоши и расплюснутых жестянок, с единственным отверстием, в которое человек может разве что заползти по-пластунски. Вернувшись в гостиницу, мы застали там вице-консула, который принес добрую весть: он заполучил для нас места в ближайшем вечернем поезде особого назначения. Мы окрылились, но жара не спадала, и нас обоих сморил сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.